

© 2009 г. А.Л. ШИЛОВ

СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ РУССКОГО СЕВЕРА В СВЕТЕ РАБОТ А.К. МАТВЕЕВА

В работах А.К. Матвеева, базирующихся на результатах сорокалетних полевых исследований, произведен анализ субстратной топонимии Русского Севера (РС) – Вологодской и Архангельской областей. Арсальный анализ вкупе с этимологическим анализом дифференцирующих топооснов и топоформантов показал, что основной древней этноязыковой оппозицией на РС является противостояние саамов и севернофиннов – чуди русских летописей и преданий. Позднее на эту древнюю топонимию наложился прибалтийско-финский (пр.-фин.) – карельский и венский слой. При этом, данные как топонимии, так и заимствованной лексики показывают, что языковая картина РС была мозаичной. Вследствие этого русские в разных районах РС имели непосредственные контакты как с прибалтийскими финнами и финноугорской чудью, так и с разными диалектными группами саамов.

Выход трехтомной монографии Александра Константиновича Матвеева «Субстратная топонимия Русского Севера» [СТРС] знаменует собой эпохальный этап в изучении финно-угорской топонимии на территории России.

Подводя итоги длительной (более полутора веков), подчас ожесточенной дискуссии, А.К. Матвеев доказательно обосновал языковую принадлежность (назовем ее условно финно-саамской) многослойной, нестрой по своему составу субстратной топонимии Русского Севера (РС), особо подчеркнув отсутствие там как угорских, так и нефинно-угорских (имея в виду дорусское время) элементов. Заодно с этноязыковой карты РС «вытеснены» как минимум до Двины (с некоторыми оговорками) пермяне и самодийцы.

Фактически труд А.К. Матвеева не просто энциклопедия дорусской топонимии Русского Севера (богато иллюстрированная содержательными картами¹), но и энциклопедия методов исследования субстратной топонимии безотносительно к ее языковой принадлежности. Гарантисей этого является многолетний опыт работы А.К. Матвеева в области исследования топонимии и лексики народов Севера России (как на европейской ее территории, так и в Зауралье), причем опыт не только кабинетный, но, что существенно, в значительной степени живой – экспедиционный, полевой.

Материальной же базой теоретических и методологических исследований А.К. Матвееву служит уникальная картотека, созданная более чем сорокалетними трудами организованной им же топонимической экспедиции Уральского государственного университета (ТЭ УрГУ).

Для отечественных, равно как и для многих зарубежных ономатологов, монография бесспорно призвана стать настольной книгой².

¹ Облегчают знакомство с фактическим материалом монографии и указатели топонимов. К сожалению, такого указателя нет в первой части. Библиография приводится к каждой части, что удобно для читателя.

² Впрочем, как это ни горько, такое вряд ли возможно в действительности, ибо тираж монографии составляет всего 200 экз., что совершенно недостаточно даже для отечественного научного сообщества.

Считаем необходимым обозначить следующие существенные моменты общего характера.

- Монография столь богата идеями (часть которых уже реализована в виде определенных выводов), поднимает такое количество вопросов (в том числе самим представленным материалом), что в журнальной статье все моменты отразить и обсудить заведомо невозможно. Это потребовало бы труда, сопоставимого по объему с самой монографией. Поэтому, стараясь по возможности кратко представить ее содержание, мы неизбежно обсуждаем лишь узловые и дискуссионные (по нашему субъективному мнению) позиции труда А.К. Матвеева.

- При всей своей монументальности [СТРС] не является закрытым трудом-справочником. Напротив, она уже вызвала к жизни ряд полемических и проблемных публикаций [Saarikivi 2004; 2006; Хелимский 2006], а также инспирировала отдельные частные исследования, касающиеся, подчас, и иных территорий [Ваахтера 2007; Шилов 2008б]. Более того, А.К. Матвеев сам подчас корректировал собственные выводы уже в ходе написания монографии. Так, если в [СТРС I: 220–221] варьирование топоформанта *-nel-da/-nalda* он относил на счет различия источников из живых языков (пр.-фин. *peld(o)*, саам. *pealt, peäldu* ‘поле’), то позднее соответствующие примеры он включил в ряд лексических и топонимных основ, демонстрирующих соответствие субстратного *a* прибалтийско-финскому *e* [СТРС II: 206–207]. Ср. также детализацию карт, отражающих лингвогеографическое членение СТРС в [СТРС I: 345] и [СТРС II: 330].

- За пределы монографии фактически выведена мерянская проблема (хотя ряд «мерянских» этимологий в ней рассматривается, см., например [СТРС I: 206–210]), при том, что на настоящий момент для решения этой проблемы в области топонимии А.К. Матвеев сделал, пожалуй, как никто много. Дело в том, что массовое привлечение и комментирование соответствующего материала с исторических мерянских земель (ИМЗ) заведомо увело бы далеко за те, достаточно жесткие географические рамки, которыми ограничен материал монографии (об этом ниже). Впрочем, соответствующие публикации (к которым следует добавить и [Матвеев 2003; 2007]) собраны А.К. Матвеевым в отдельный раздел иной его монографии [Матвеев 2006].

- Важным моментом для восприятия основных положений монографии является позиция автора, выраженная следующим образом [СТРС I: 11, 12]: «Взгляды автора на столь сложную проблему изменялись как в связи с накоплением и изучением новых фактов, так и вследствие совершенствования методов их обработки (...) В книге использована только та часть находящихся в распоряжении автора фактов, которая была, на его взгляд, достаточно убедительно интерпретирована. В нее не был включен ряд предположений и рабочих гипотез, высказанных публично в целях широкого обсуждения проблемы, но не получивших достаточно веских доказательств или не подтвержденных». Мы еще отметим, что А.К. Матвеев в своих построениях, во-первых, вполне сознательно, за редкими исключениями, не использует праприбалтийско-финские (ПФ) и финно-саамские (ПФС) реконструкции, существенные, как представляется, для этимологизации значительных групп «чудских» топонимов (об этом подробнее ниже), во-вторых – практически игнорирует иные группы финской чуди (не саамов и не прибалтийских финнов), кроме тех, что обозначены им как севернофинны, т.е. занимавших юго-восточную часть РС (Вага, верхнее течение Двины). Точнее, он безусловно признает наличие разных маргинальных чудских групп, но, как правило, трактует их как мигрантов из севернофинского ареала.

После этих предварительных замечаний перейдем к собственно обзору монографии. Очерк истории вопроса [СТРС I: 13–47] предваряется замечанием, что он доводится до начала работ ТЭ УрГУ на РС (1961 г.), ибо систематический фронтальный сбор СТРС совершенно изменил источниковую базу и позволил на многое взглянуть по-новому³.

³ Это не значит, что А.К. Матвеев при обсуждении конкретного материала не учитывал новейших работ. Напротив, учитывал (вплоть до вышедших в 2006 г.) и оперативно на них реагировал.

Подходы разных авторов к трактовке СТРС условно объединяются в рамках финской, угорской и дофинно-угорской гипотез. При рассмотрении финской гипотезы высоко оцениваются (с существенными, впрочем, оговорками) работы лингвистов XIX в. А. Шёгрена и М. Кастрена, заложивших, по сути, основы научного изучения СТРС с позиций финно-угристики. Отмечены ценные для того времени выводы М.П. Веске о билингвизме древней чуди и о наличии доприбалтийско-финского финно-угорского субстрата (для русских – субсубстрата). Особо выделены исследования М. Фасмера, внесшего в изучение СТРС ряд принципиально новых моментов: региональный принцип, учет фонетических соответствий при адаптации топонимов и хронологии фонетических изменений в заимствующем языке, использование билингв и метонимических калек, выделение структурных и семантических типов. Указано, что основные его просчеты (как, собственно, и у ряда других исследователей) обусловлены неполнотой (подчас – и ненадежностью) используемого материала. Но отмечена и прозорливость М. Фасмера в отношении лингвоэтнической принадлежности населения РС, создавшего топонимию того или иного типа (*-енга* и др.), и стратификации ряда пластов СТРС. В целом скептически оценив работы Я. Калимы, Матвеев, тем не менее, отметил ряд интересных соответствий в основах типа *синд-* ~ *шинд-*, *согр-* ~ *шогр-*, для которых Калима верно указал на их неприбалтийско-финское происхождение. При анализе работ А.И. Попова высоко оценены широкое использование письменных памятников и большое внимание к топонимическим калкам. Вместе с тем осуждено пренебрежение к вопросам фонетики и лингвистического картографирования, а также неприятие формантного метода. Раздел заканчивается объяснением автора его приверженности финской (фактически – финно-саамской) гипотезе.

Рассматривая угорскую гипотезу, автор категорически (и по справедливости) отвергает соответствующую исходную идею Д. Европеуса, отдавая при этом дань ряду новаторских методологических приемов в исследовании СТРС и отдельным этимологическим находкам этого незаурядного исследователя. О работах Б.А. Серебренникова и А.П. Афанасьева (возрождающих в той или иной степени угорскую гипотезу), автор говорит вскользь, не считая их достаточно аргументированными.

Признавая факт присутствия на РС многочисленных названий, не этимологизируемых из известных финно-угорских языков, Матвеев указывает на крайнюю шаткость и неубедительность сторонников дофинно-угорской гипотезы в ее самодийском (А.П. Дульзон), тунгусо-маньчжурском (М. Рясянен), урало-алтайском (Г.М. Василевич) и волго-окском (Б.А. Серебренников) вариантах⁴. Последний вариант, впрочем, по нашему мнению, имеет право на жизнь, если говорить не о неких индоевропейцах, а о палеоевропейцах культуры ямочно-гребенчатой керамики (см. [Напольских 1997 с лит.], а в отношении субстратной географической лексики в пр.-фин. и саамском – [Saarikivi 2006])⁵. Не исключено, в частности, что топонимическим наследием этих палеоевропейцев являются многочисленные, но ареально невыразительные гидронимы на *-Изьма*, *-Ижма* (см. о них [Кабинина 2008]).

Далее обосновывается оправданность выделения топонимического региона «Русский Север», т.е. Архангельской (без Ненецкого АО) и Вологодской областей в соответствии с лингвоэтническими данными и с историко-географической точки зрения. Отмечается, что сравнение результатов отдельного изучения топонимии РС и соседних регионов (Карелии, Республики Коми, Мурманской и Ленинградской областей, Волго-

⁴ Полностью соглашаясь с А.К. Матвеевым в этом отношении, подчеркнем, что его позиция не означает полного отказа от сопоставлений СТРС с данными угорских и самодийских языков при отсутствии пр.-фин. и саамских параллелей. Так, привлечение подобных данных оказалось вполне уместным при обсуждении генезиса гидроформанта *-Ин(ь)га* (см. ниже). Равным образом, по нашему мнению, оправданно привлечение подобных данных при интерпретации «темных» элементов СТРС, таких, например, как термин *пендус* (см. [Шилов 1997]), основ *Лумб-*, *Калч-* и форманта *-анга*. Здесь мы можем иметь дело с уральскими (но не сугубо самодийскими!) реликтами, сохранившимися в вымерших финских языках РС.

⁵ Мы здесь не имеем в виду протосаамский («арктический») субстрат Фенноскандии.

Окского междуречья) должно стать предметом особого исследования. При этом, однако, отсылки к данным с указанных территорий встречаются в монографии многократно.

Основным источником исследования является, как уже отмечено, картотека ТЭ УрГУ. На начало 2001 г. отдел Русского Севера картотеки насчитывал около 1 300 000 карточек, 300 000 из которых содержат сведения о субстратных топонимах, 600 000 о топонимах русского происхождения, 400 000 – лексику русских говоров, в том числе заимствованных слов и субстратных включений⁶. Кстати, богатство картотеки и сплошной равномерный охват ТЭ территории РС – дополнительный аргумент к ограничению границ региона, рассматриваемого в монографии. Коль скоро соседние территории обследованы не столь тщательно и равномерно (или, скажем так, данные этих обследований пока доступны исследователям далеко не в полной мере), сравнение может дать искаженную картину.

Активно использовался картографический и письменный (исторический) материал, в первую очередь – для выявления топонимов, уже неизвестных местному населению и для восстановления ранних, не искаженных позднейшей адаптацией или переосмыслением форм топонимов.

Далее описываются основные методы и приемы исследования субстратной топонимии: формантный метод и близкий к нему метод географических терминов; картографирование топонимов и их элементов (основ, формантов); сопоставление калек; статистические методы (структурно-фонетический, фоностатистика); учет фонетической и морфологической адаптации; учет семантической мотивированности топонимов; использование физико-географических данных об объектах; привлечение субстратных (заимствованных) апеллятивов. Подробно рассмотрены наиболее актуальные для топонимии РС вопросы: значение русской топонимии для интерпретации субстратных топонимов, основные принципы исследования и методы выявления системных отношений в субстратной топонимии, в частности – создание (моделирование) частного идеографического словаря топонимических компонентов. Здесь отметим особо существенное наблюдение [СТРС I: 67]: для ряда обширных территорий фактический материал не подтверждает широко распространенного мнения о том, что этнотопонимы встречаются чаще всего в зоне маргинального контакта двух народов. На РС (и в ИМЗ) русские и финно-угры жили длительное время чересполосно и контакты между ними носили внутрирегиональный характер.

Следующая глава посвящена общей характеристике СТРС и проблемам ее адаптации. Говоря о непростою вопросе разграничения субстрата и заимствования в топонимии, Матвеев отмечает, что решающим фактором здесь является наличие или отсутствие этнической ассимиляции, ибо субстратные элементы могут возникать только при поглощении одного народа другим. Но на практике такая дифференциация невероятно трудна, поскольку различны прежде всего механизмы процессов, а их результаты сплошь и рядом совпадают.

Отмечено, что процесс обрусения отдельных территорий РС происходил неравномерно, с различной скоростью и интенсивностью, и завершился (как и начался. – *А.Ш.*) не одновременно. Как следствие, на разных территориях неизбежно был различен и характер взаимодействия языка и складывающейся в нем топонимической системы с языком (языками) коренного населения. При этом, чем длительнее был этап билингвизма, тем более многообразным становилось взаимодействие языков.

В свое время М. Фасмер выделил пять основных типов усвоения пр.-фин. названий в русскую топонимическую систему: 1) полное усвоение топонима с сохранением обеих его частей (определение + детерминант = географический термин), 2) частичный перевод, т.е. перевод детерминанта, 3) эллипсис, т.е. усечение детерминанта, смысл которого стал известен русским, 4) полный перевод топонима, 5) осложнение субстратных топонимов русскими аффиксами. А.К. Матвеев, однако, констатирует, что для РС схема

⁶ О богатстве этого источника можно судить по содержанию первого выпуска [МСФУЗС] и первых выпусков [СТРС].

Фасмера требует уточнений. Если говорить об эллипсисе, то, если в основе выступает географический термин (*Каска*, ср. пр.-фин. *kask(i)* 'подсека'; *Корба*, ср. пр.-фин. *korh(i)* 'лесная глушь' и т. д.), это могут быть не эллиптические топонимы, а географические термины в топонимическом употреблении. Равным образом, такие названия как *Кярныш* (ср. вепс. *karniš*, саам. *kārnes* 'ворон'), *Мезра* (ср. пр.-фин. *mägr(ä)* 'барсук') и т. д. могут оказаться псевдоэллиптическими, представляя собой случаи топонимического употребления тотемистических или прозвищных именований, перенесенных на географический объект с названия племени или рода.

Полный перевод может быть надежно доказан лишь при фиксации параллельных разноязычных форм, характеризующих один и тот же объект⁷. Но это реально лишь при наличии двуязычия, которое на РС представляет собой давно минувший этап языкового взаимодействия. Вместе с тем, на РС многочисленны метонимические кальки: одинаковые в плане содержания, но различные в плане выражения (разноязычные) названия смежных объектов, например в *Рабручей* (ср. вепс. *raba* 'гуща, грязь') впадает ручей *Грязный*, в оз. *Чачема* (ср. саам. *časse* 'вода') впадает р. *Мокрая* и т. д. Часто метонимические кальки имеют решающее значение при интерпретации топонимов.

Сверх указанных Фасмером, А.К. Матвеев отмечает еще один тип, на первый взгляд, противозестественных названий – гибридные, содержащие гетерогенные составные части в необычном соотношении: субстратный элемент – в форманте, русский – в основе. Такие сложения потенциально могли возникнуть в следующих случаях: при проникновении русских заимствований в язык субстрата; при реализации народной этимологизации иноязычной основы на русской почве; при втягивании русских названий в ряд субстратных топонимов (*Ольшанга* < *Ольшанка*). Особо интересны для исторической лексикологии случаи, когда гибридные названия возникали в результате заимствования русскими говорами «чудских» географических терминов, которые затем были утрачены в качестве апеллятивов. Доказать это непросто⁸, хотя такие факты, как фиксация субстратного топонима в форме *pluralia tantum* вроде бы свидетельствует о наличии в его составе некогда функционировавшего (в русском) термина, ибо употребление топонима во множественном числе предполагает понимание значения соответствующего апеллятива. См. *Монепелды* («Многополье», ср. карел. *moni* 'много' и *peldo* 'поле'), *Шубачи* («Осинники», ср. саам. *surpe* 'осина'). Показательны также сочетания и сложения русских лексических компонентов с субстратными, ср. название озера *Черная Чачка* (саам. *časse* 'вода'), т.е. «Черная водичка» и болота *Редкошубачное*, т.е. «С редким осинником».

При рассмотрении фонетической адаптации субстратных топонимов русским языком подчеркнуто, что основная трудность здесь состоит в том, что фактическое состояние звуковой системы бесписьменных вымерших языков нам неизвестно по определению и потому анализ субстратной топонимии приводит, в конечном счете, не к восстановлению фонетической системы языка-источника, а лишь к определению системы ее рефлексов в заимствующем языке.

После описания общих фонетических закономерностей субстратных языков РС следует анализ адаптации гласных и согласных. Особое внимание уделено вопросу об отражении в субстратной топонимии фонетических явлений, характерных для древнерусского языка старейшей эпохи (передача пр.-фин. *i*, *y* русскими редуцированными, отражение носовых и полногласия). Сделан вывод, что, в отличие от территорий ран-

⁷ Казалось бы, на перевод может указывать структура названия типа *Белоламбина* (не *Белая ламбина*), *Краснощелье* (не *Красная щелья*), характерная для пр.-фин. и саамской, но не для русской топонимии (об этом писали многие авторы). Но укажем на возможное адстратное влияние чудской топонимической системы на русское ономотворчество, с одной стороны, и на изначально русские названия типа *Лукобор*, *Краснобор* (р. Чагодоша), *Долгомох* (Карелия).

⁸ Иногда этому способствует контекст ранних документов. Так, для Подвинья надежно реконструируется чудский по происхождению (с пр.-фин. соответствиями) термин *юрмола* 'прибрежный сухой луг' [СТРС II: 267–272], а для Карелии – *матка* 'перешеек, волок, озерное дефиле' и *масельга* 'водораздел' из саамского и пр.-фин. соответственно [Шилов 2008а: 20, 28].

него освоения (Новгородская и часть Ленинградской обл.), в период колонизации РС в языке переселенцев не было ни редуцированных, ни носовых гласных; сомнительно и наличие полногласия как живого процесса⁹. Отмечено, что из старых финско-русских соответствий в топонимии РС отражено лишь пр.-фин. *ä* – русск. *o*¹⁰ при пр.-фин. *ä* – русск. *a* для более позднего времени. Рассмотрены также непростые вопросы о происхождении *ы*, соответствии фин. *ä* – русск. *e* и особенностях отражения пр.-фин. дифтонгов в СТРС.

При рассмотрении адаптации согласных значительное место уделено субституции пр.фин. *h* > *x*, *z* (с особым вниманием к географическому распределению соответствующих рефлексов) – проблеме, активно обсуждаемой и другими авторами [Муллонен 2002: 51–58; Мызников 2004: 253–259].

Подробно рассмотрены комбинаторные изменения, характерные именно для субстратной топонимии, где (в отличие от заимствованной лексики) заимствования десемантизированы. Отмечены следующие частотные изменения: ассимиляция, в том числе *j* > *л'* на стыке форманта и основы (не только после губных, но и после иных согласных, особенно – плавного *p*: *Мурлюга* < *Мурьюга*), а также нерегулярная переработка группы *Cj* в *Cn'* в топонимах с начальным *H'* (*Немлюга* < *Немьюга*); диссимиляция носовых (*Чухчерема* < *Чухченема*) и заднеязычных (*Пивкозеро* < *Пихкозеро*); метатеза (**Шушко-немь* > *Шушкомень*; *Каргонема* > *Каргомень*), дисреза (*Пертема* < *Пертнема*, *Пельшма* < *Пельшема*), эпентеза (*Рандростров* < *Рандостров*); протеза *в-* перед *о-* и *j-* перед *э-*. Подчеркнуто, что комбинаторные процессы охватывают СТРС столь широко и глубоко, что при отсутствии исторических свидетельств подчас вовсе нет возможности раскрыть былую структуру названия. К этому приведены показательные примеры: *Перхлохта* > *Перховта*, *Рушеягр* > *Рушелда*, **Хехтанема* > *Хехталема* > *Фёхтальма*. Отмечено, что эти изменения продолжаются и по сей день (дер. *Заворье* < *За Ворьгой* < *р. Ворьга*).

Следующий раздел работы посвящен морфологической адаптации. При рассмотрении усвоения финалей топонимов указано, что оформление заимствованных топонимов происходит в соответствии с родом географического термина, описывающего данную реалию в русском языке: оз. *Оногро*, но р. *Оногра*, о. *Мудьюг*, но р. *Мудьюга*, м. *Шиднем*, но дер. *Шиднема* и т.д. Здесь приводится напрашивающаяся параллель с апеллятивными заимствованиями, морфологическая адаптация которых прозрачна и потому особенно показательна. Подчеркнуто, что в известной работе Я. Калимы (1919 г.) из 430 русских существительных пр.-фин. происхождения лишь три зафиксированы в форме среднего рода: *гарьё* ‘плоский берег, видимый с моря’, *пуло*, *пульё* ‘поплавки невода’, *себье* ‘деревянные крюки для укрепления на дне моря сетей’, причем эти формы являются собирательными. Сделан вывод, что группа существительных среднего рода в русских диалектах почти не обогащается за счет заимствований, которые становятся существительными мужского или женского рода. Здесь хотелось бы заметить, что (как и для топонимов) при заимствовании апеллятивов в ряде случаев также происходила аттракция (возможно несознанная) к роду исконного синонима в усваивающем языке, ср. (из ранних заимствований): *веретье* (при менее частотном *веретей*) (< **vērtē* > фин. *vierre*, gen. *vierteen*) ~ *бёрдо*; **коломя* > *коломище* (< *kalma*) ~ *кладбище*; *соломя* (< *salmi*) ~ **узмя* > *узмень* [Шилов 2008а: 34], *прѣ* ‘парус’ (< *purje*) ~ *ветрило*.

Небольшой, но содержательный раздел посвящен важной проблеме – редеривации. Ономатологи, за редким исключением, не берут этого явления в расчет, а между тем оно способно порождать топонимические фантомы, в первую очередь – фантомные форманты¹¹. А.К. Матвеевым приведен поучительный пример: название райцентра *Пу-*

⁹ К подобному выводу пришла и И.И. Муллонен в отношении Вепсского Межозерья [Муллонен 2002: 43–51, 267, прим. 34].

¹⁰ В Белозерье, а также в таких микрорегионах, как оз. Воже, верховье Моши и низовье Пинеги.

¹¹ Так, название подмосковного оз. *Сенеж* обычно ставят в ряд названий на *-Иж*, в то время как оно возникло на русской почве по схеме: р. *Сеньга* (название частотно в севернорусской субстратной гидронимии) > *Сенежское озеро* > *Сенеж*.

дож в Восточной Карелии и народной формы прилагательного к нему – *пудожемский*. Название *Пудож* произошло от карел. *puvaš* ‘речной рукав’ по схеме: *puvaš* – *puধান* (род. пад.) – *Пудога* (так уже в берестяной грамоте XIV в. – А.Ш.) – *Пудожский* – *Пудож*. Прилагательное же *пудожемский* имеет параллель в низовьях Двины, где находится *Пудожемское устье*, откуда вполне может быть «восстановлена» фантомная форма **Пудожма*. Этот пример показывает, что для ряда названий (но не для всех!) с финалями *-Изма*, *-Изьма* и некоторыми другими следует говорить не о некоем географическом термине или словообразовательном суффиксе, а о результате редеривации иных топонимных типов. Кстати, А.К. Матвеев не включил в этот раздел свой блестящий анализ потамонима *Чёлмохта* (а лишь дал ссылку на него в другом месте [СТРС II: 28]). Финаль *-хта* частотна в финно-угорской гидронимии [Шилов 2001а], но как раз на РС относительно редка, а в своем микрорегионе (низовья Двины) название *Чёлмохта* и вовсе уникально. Путь его возникновения оказался следующим: **Чёлмокса* (финаль *-кса* обычна для этих мест) – *Чёлмохотская волость* (и *Верхне-Чёлмохотское озеро*) – *Чёлмохта*. Указано, что подобная участь могла постигнуть и территориально близкий ойконим *Нёнокса* (известен с конца XIV в.), известный также как *Ненокотский посад*, ибо в 1591 г. было зафиксировано написание *Ненохотцкой посадъ* и *Ненохта* [Матвеев 2000: 106–109].

При рассмотрении структуры субстратных топонимов обращается внимание на то, что на большинстве территорий РС вследствие длительного контакта русских с чудскими аборигенами субстратная микротопонимия представлена достаточно хорошо и менее деформирована, чем более древняя гидронимия. Подчеркивается необходимость различения разных случаев бытования географических терминов в субстратной топонимии, дифференцируемых по употреблению терминов в виде детерминантов, в качестве топонимов, а также по наличию или отсутствию соответствующих терминов в апеллятивной лексике русских говоров.

Раздел о стратификации топонимии РС содержит следующий важнейший вывод: «Применительно к РС намечается такая ретроспективная последовательность пластов: русский, прибалтийско-финский, саамский и севернофинский. По-видимому, определенную роль в формировании СТРС играли и родственные севернофиннам меряне, а также другие волжские финны (“марийцы”). Вместе с тем, есть все основания думать, что в намечающейся последовательности были нарушения, связанные с неравномерностью ассимиляционных процессов, поэтому русские могли в некоторых местах иметь непосредственный контакт и с саамским¹², и с севернофинским населением: еще до прихода русских лингвоэтническая карта и топонимический ландшафт РС образовывали сложную мозаику» [СТРС I: 185]¹³.

Значительную долю первой части занимает этимологический анализ формантов СТРС [СТРС I: 186–292], дополнением к которому является вторая глава второй части [СТРС II: 15–31], а в отношении гидроформанта *-И(ь)га* – и вторая глава третьей части [СТРС III: 8–26]. В этом анализе А.К. Матвеев отдельно рассматривает форманты ойконимов и микротопонимов¹⁴, с одной стороны, и гидронимов – с другой. Это оправдано тем, что ойконимия и микротопонимия своими формантами, в массе своей восходящими к детерминантам, указывают на народы, которых славяне непосредственно застали на РС. Эти названия составляют топонимический субстрат, в то время как более стабильные в употреблении гидронимы могут свидетельствовать о субсубстрате.

¹² К этому см. саамизмы русского языка (*калги*, *камбала*, *кабус*, *каньги*, *нерпа*, *палтус*, *ровдуга*, *сопел*, *яры*), зафиксированные Р. Джемсом в 1618–1619 гг. в Холмогорах [Шилов 2008а].

¹³ К аналогичным в целом наблюдениям пришел автор данной работы в отношении топонимии Карелии [Шилов 1999б]; тем самым, обосновывается плодотворность взаимной «проверки» топонимических и лингвистических (апеллятивные заимствования) данных, относящихся к этим территориям, освоенным русскими в разное время и с разным результатом межэтнического (и, соответственно, языкового) взаимодействия.

¹⁴ В понятие «микротопонимы» А.К. Матвеев здесь включает все топонимы, за исключением ойконимов, потамонимов и лимнонимов, в том числе – и названия заливов и проливов.

Всего учтено 46 формантов ойконимов и микротопонимов, восходящих к детерминантам пр.-фин. (28), саамского (6) и чудских (6) языков (6 детерминантов являются спорными по происхождению). Их частотность варьируется от единичных фиксаций (-канда, -лакша, -нюра, -личма и др.) до сотен примеров (-курья, -нема). Во многих случаях (22) формантам соответствуют русские апеллятивные заимствования, широко привлекаемые А.К. Матвеевым при этимологизации СТРС. Действительно, без семантической поддержки со стороны этих заимствований значительная часть «чудской» по происхождению географической лексики Заволочья (не имеющей точных корреспондентов в живых финно-угорских языках) осталась бы без какого-либо разумного объяснения (*согра, поча, шалга, чарокса* и др.).

Подавляющее большинство этимологий А.К. Матвеева в отношении формантов этой группы убедительно, хотя для некоторых из них трудность представляет выбор конкретного языка-источника и формы этимона (-курья, -пол(а), похта, -поча). Исключение представляет разве что финаль бесозерского топонима *Рандогач*. А.К. Матвеев членит этот топоним как *Ранд-огач*, видя в -огач сочетание «речного» детерминанта -Vz(a)- со словообразовательным топонимным суффиксом -ач. Нам же более оправданным видится членение *Рандо-гач* и видение форманта -гач отражением «чудского» термина **hatša* 'подсека, пожога' [Шилов 2007].

Пять достаточно частотных формантов СТРС (-Vла, -Vч, -жома, -Vж(а) ~ -Vш(а), -га) являются по происхождению суффиксальными.

Число формантов гидронимов (потамонимов) в СТРС естественно много меньше, нежели формантов микротопонимов, но их значение для лингвоэтнической интерпретации СТРС много выше. Поэтому рассмотрим их более детально. Сначала будут рассмотрены форманты, явно или предположительно восходящие к географическим терминам, затем – определенно суффиксального происхождения.

-(V)z(a) (всего 381 пример). Формант составляет (наряду с -Vн(ь)га) важнейшую группу гидронимов СТРС¹⁵, в которой следует выделять подгруппы -юг, -уг (91); -уга, -юга (186); -ега, -ига (81); -ога (23). Эти форманты восходят (в том числе, в гидронимах, возникших в мертвых языках РС) к общему уральскому названию реки, ср. пр.-фин. *joki, jogi, d'ogi*, саам. *jogk*, мар. *jòuə*, коми-зыр. *ju < *juu*.

-Vн(ь)га (580 примеров). Самый распространенный и один из самых трудных для анализа гидронимических типов РС¹⁶. Он членится на ряд подтипов (колебания *н – н'*, варьирование гласной *U*), среди которых А.К. Матвеев выделяет два основных: наиболее частотный -еньга и -Vнга (*V = a, o*). В силу особенностей географического распределения этих формантов их следует различать; они, по-видимому, восходят к различным источникам, но могут принадлежать как одному, так и различным языкам.

Для объяснения форманта предлагались три основные версии (их обзор и обсуждение: [СТРС I: 261–275]): генитивная конструкция прибалтийско-финского типа (показатель генитива -*n* + *joki* 'река'); финно-угорский (в частности – саамский) уменьшительный суффикс; детерминант со значением 'река' (из работ последних лет см. [Хелимский 2006; Kiviniemi 1984: 443–445] и [Шилов 1998] соответственно). Версию генитивной конструкции А.К. Матвеев обоснованно отвергает (допуская лишь редчайшие исключения) [СТРС III: 8–26]. Более вероятной для названий с -Vнга он полагает суффиксальную версию, но имеет здесь в виду не пр.-фин. (-*nki*) или саамский уменьшительный суффикс, а финно-угорский суффикс обладания **η*. При этом он, однако, замечает: «Предположение о широком распространении в СТРС бездетерминантной гидронимии, естественно, потребует дальнейшего обоснования, поскольку этот структурный тип в целом необычен для современных финно-угорских языков, однако надо

¹⁵ Он также частотен в гидронимии Волго-Окского междуречья, но редок в Карелии (9 примеров, в основном – в форме -ега) и, особенно, на Кольском п-ве, где частотны неадаптированные русскими финали -йоги, -йоки, -еги, -деги, с одной стороны, и -йок – с другой.

¹⁶ Несколько десятков подобных названий имеется в Волго-Окском междуречье, более 70 в Карелии и на Кольском п-ве. В Вепском Межозерье они отсутствуют.

иметь в виду, что тенденция к употреблению в топонимии аффиксальных форм без детерминантов характерна для различных языков агглютинативно-суффиксального строя. В субстратной топонимии РС представлен целый ряд структурных типов, форманты которых, по-видимому, являются словообразовательными аффиксами. Они могли утратить детерминанты или вообще их не иметь. Гидронимы на *-Vнга* могут относиться именно к этому классу географических названий РС» [СТРС I: 270–271].

Действительно, И.И. Муллонен [Муллонен 2002: 192–228] на примере пр.-фин. топонимии показан процесс превращения словообразовательного суффикса в своего рода детерминант, выполняющий роль географического термина. Конечно, формант суффиксального происхождения не может столь же однозначно информировать о разряде или классе топонима, как детерминант сложного названия (основа + номенклатурный термин). Но стремление к системности приводит к тому, что для обозначения объектов разных географических классов используются, как правило, различные апеллятивные словообразовательные суффиксы¹⁷. Таким образом, употребление разных суффиксов все же разводит топонимы по номинирующим ими типам географических объектов. В топонимии закрепляются суффиксы с определенной семантикой, в гидронимах, например, со значением подобия выраженному производящей основой или с деминутивным значением, в ойконимах – с локативным значением и т. д. Уменьшительная модель, кстати, активно функционирует в связке с иноязычными топоосновами. Существенно наблюдение И.И. Муллонен, что в топонимии часто закрепляются суффиксы, малопродуктивные в апеллятивном словообразовании. Это вызвано стремлением номинаторов к размежеванию между онимическими и апеллятивными образованиями, которое закономерно вытекает из функции топоформанта как показателя топонимичности.

Для названий с формантом *-еньга* А.К. Матвеев в целом склоняется к терминологической (детерминантной) версии, хотя пишет [СТРС III: 15] «вопрос о происхождении форманта *-Vн(ь)га* в полной мере, может быть, вообще не удастся разрешить». При этом его собственные изыскания достаточно определенно подталкивают к мнению о том, что данный формант в составе большинства соответствующих топонимов все же отражает некий древний финно-угорский гидронимический термин (ср. [Шилов 1998]), а вовсе не генитивную конструкцию (что, как указано выше, им было справедливо отведено) или древний финно-угорский аффикс. В противном случае пришлось бы признать, что в родственных (хотя отнюдь не идентичных) финно-угорских языках РС массовые потапонимы образовывались по принципиально различным моделям: основа + детерминант **jug(a)*, с одной стороны; основа + суффикс – с другой.

Как сказано выше, вариант *-Vнга* А.К. Матвеев, вроде бы, согласен считать происходящим из финно-угорского суффикса **η*. Однако, ввиду установленного им самим географического распределения (в какой-то степени – противостояния) гидронимов с финалями *-Vньга* и *-Vнга*, можно скорее думать об их родственности (на финно-угорском уровне), т.е. о происхождении обоих вариантов из «речных» детерминантов разных субстратных языков.

-бой, -буй (эти варианты наиболее многочисленны в Белозерье, где гидронимические форманты других типов вообще редки), *-ой, -уй, -оя, -уя* (всего 233 примера). Форманты восходят к финно-саамскому термину со значением «ручей, речка»: пр.-фин. *oja*, саам. *uoij, oj, vuoī, uai, vuai*.

-сара, -сора, -сар(ь), -сур (всего 95 названий)¹⁸. Финаль восходит к финно-угорским терминам (в том числе – и в вымерших языках) со значением «рассоха, один из истоков

¹⁷ Интересно, в силу сказанного, что, например, саамский деминутивный суффикс *-až*, образующий свернутые, «фамильярные» формы топонимов, наличествует в именах самых разных типов объектов (реки, пороги, острова и др.) [KKLS], в то время как деминутивный суффикс **-nže* (современное саамское *-š*) в Карелии и Вепском Межозерье присутствует лишь в составе потапонимов [Шилов 1999б: 109] (иначе об этом форманте [Муллонен 2002: 198–217]).

¹⁸ На юге и востоке Карелии и в Вепском Межозерье довольно много названий с финалью *-сара*, а в исторических мерянских землях – с финалями *-сор, -сур, -чур(a), шур* (в междуречье Оки и Клязьмы также *шур* [Смолицкая 1974: 68–69]).

реки», ср. пр.-фин. *saara, šoara, šuaru, suar, sara* ‘разветвление, ветвь’, саам. *suorr, sīrr* ‘развилка, ответвление реки’.

-Vхта (-Vгда). На РС формант довольно редок (порядка 10 примеров), но очень активен в гидронимии ИМЗ, что дает А. Альквист основание считать его мерянским гидронимическим индикатором [Альквист 2000а: 30–31; 2000б: 83, 86]. Она же без сомнений выводит его из более архаичного *-(V)кса, -(V)кша* с апелляцией к уникальному примеру: ПФ **lakte* > фин. *lahti*, но карел. *laksi* ‘залив’ [Ahlqvist 2006: 12]¹⁹. А.К. Матвеев не исключает возможности такого развития (неясно – в языке субстрата или уже в русском языке, см. выше о *Чёлмохта* и ниже – о форманте *-Vкса*), но считает, что вопрос все-таки далек от разрешения. Возможно формант следует связывать с теми финно-угорскими данными, что послужили основой для реконструкции гидронимического термина **ukti* ‘путевая река’ [Хелимский 2006], во множестве присутствующего в основах названий рек, входящих в системы древних водно-волоковых путей древности [Афанасьев 1979; Шилов 1999б: 106–107; Муллонен 2002: 208–215].

Интересно (а может быть и существенно в этимологическом плане), что ареалы топонимов с основами *Охт-/Ухт-* и с формантами *-хта/-гда* в целом находятся в соотношении дополнительной дистрибуции (список соответствующих объектов см. в [Шилов 2001а]). Означает ли это семантическую эволюцию чудского (по происхождению – уральского) термина по линии «река, приток, протока» – «рса, ведущая на волок; путевая река», а если да – то в каком направлении?

-важ (варианты *-ваш, -баж, -баш, -маж, веж, -беж, -меж, -миж*; всего 84 названия). Формант в основном приурочен к юго-восточной части РС. Наилучшим образом может быть объяснен сопоставлением с мар. *важ, вож* ‘корень, ветвь’, коми-зыр. *вож* ‘ветвь, ответвление, развилина, приток’ (имея в виду существование подобных слов в древних севернофинских языках; на финно-угорском уровне термин восстанавливается как **woša* [SSA, 2: 259; UEW: 825–826])²⁰.

-енгарь: финали названий 15 ручьев и речек в среднем течении р. Устья (правый приток Ваги). Детерминант сопоставляется с мар. *энгер* ‘речка’, но, в силу существенных соображений, полагается не марийским, а мерянским по происхождению [СТРС I: 285; Матвеев 2006: 145–153].

-курга (5 примеров, зафиксированных в среднем течении Устья). С некоторыми оговорками формант сопоставляется с широко распространенным в Подвинье детерминантом *-курья* (и русским термином *курья* ‘речной залив; боковая протока’) неясного происхождения [СТРС I: 194–197; Шилов 1999в], с одной стороны, и с гидронимами мерянских земель с финалями *-курга, -кура* – с другой [СТРС I: 285–287].

-Vда. Редкий формант (7 примеров на севере РС, к которым можно добавить еще 4 с территории Карелии). Согласно [СТРС II: 21] эти названия содержат древний суффикс прилагательных **(e)да*. В силу того, что все учтенные названия (кроме *Вонгода*) содержат финаль *-уда*, можно указать и на пр.-фин. уменьшительный суффикс *-ut*, а также саамский суффикс отыменных существительных *-vudt* [Шилов 1999б: 109].

-Vm(a) – частотный на РС и на сопредельных территориях гидроформант (который следует отделять от детерминанта микротопонимов *-ма*), в котором можно видеть как древний *m*-овый суффикс прилагательных и причастий [СТРС II: 23–24], так и суффикс отглагольных имен [Шилов 1999б: 109; Муллонен 2002: 222–225]). Географическое распространение форманта указывает на древность его происхождения.

¹⁹ Еще раньше это сопоставление провел Е.М. Поспелов [Поспелов 1970: 100–101]. Заметим, что формант *-Vхта* никак не может восходить к *-Vкса* (примеры редеривации типа *Чёлмохта* (см. выше) невозможно обобщать на все гидронимы на *-Vхта*). Эти форманты могут оказаться родственными лишь при одном условии: если оба они восходят к **-Vkti*. Но в этом случае форманты *-Vхта* и *-Vкса* должны находиться в отношении дополнительной дистрибуции, чего в ИМЗ не наблюдается.

²⁰ Финали гидронимов тверских, псковско-новгородских, смоленско-белорусских земель, Эстонии, Ленинградской обл. и юга Карелии типа *-веж(ь), -вешь, -б(о)жа, -вжа, -вожа* имеют, видимо, иное происхождение – из пр.-фин. *vesi, veži* и т. п. ‘вода’ [Шилов 1997: 5].

-*Vж(a)*, -*Vш(a)*. Эти весьма распространенные форманты встречаются не только в гидронимии, но и в ойконимии и микротопонимии. Наиболее убедительно сопоставление с финскими (в широком смысле: вепсскими, марийскими и др.) и саамскими уменьшительными суффиксами (в меньшей степени - с суффиксами отыменных существительных).

-*Vc* (наиболее часты фиксации с *V = a, y, o*; всего более 240 примеров). Словообразовательные аффиксы такого рода хорошо известны в финно-угорских языках. Большая часть примеров может быть истолкована на саамской почве. Для ряда топонимов явно пр.-фин. происхождения часто наблюдается наличие форманта -*Vc* при отсутствии соответствующего суффикса в апеллятивах живых пр.-фин. языков. Примечательно, что это же явление отмечено и для многих русских апеллятивных заимствований. Подчеркнуто, при этом, что для ряда названий (особенно в восточной части РС) убедительных пр.-фин. и саамских соответствий вовсе не найдено.

-*Vкса*, -*Vкша*. Гидронимия данного типа распространена в изобилии от Карелии (но не на Кольском п-ве и не в Финляндии!) на севере до Волго-Окского междуречья на юге (см. [Поспелов 1974: 45–47]). Для некоторых из них А.К. Матвеев допускает возможность сопоставления с фин. *oksa* 'ветвь' с его пр.-фин., саамскими (*oakse*) и марийскими (*uks, ukš*) соответствиями²¹, и с мар. *икса* 'залив; заводь, старица; речка, проток' (равно как и с мерянским **вёкса* 'сток озера в реку'). Для большинства других гидронимов он предполагает происхождение форманта из древнего словообразовательного или словоизменительного суффикса, коррелятивного с -*Vc* (*-*ks > s*). К такому же выводу пришла И.И. Муллонен в отношении гидронимии Вепсского Межозерья [Муллонен 2002: 217–221]. Для Карелии же (на основании множества примеров) мы полагаем актуальным вывод А.И. Попова о том, что гидронимы на -*кса* возникли в результате русского освоения пр.-фин. гидронимов на -*ksen-jogi*, где -*ksen* является показателем генитива существительных на -*s* [Попов 1965]. Кстати, подавляющее большинство таких топонимных образований (как и иных, с показателем генитива -*n*) имеет неприбалтийско-финские основы, т.е. с помощью генитивной конструкции в пр.-фин. систему адаптировались иноязычные топонимы.

Раздел о формантах лимнонимов [СТРС I: 287–292; СТРС II: 16] важен прежде всего своей «негативной» частью. Четко показано, что в СТРС нет следов пермско-угро-самодийского термина 'озеро' (коми *ты*, венг. *tó*, ненец. *то*). Здесь присутствуют лишь рефлексy западнофинского и волжского термина, отразившегося в пр.-фин. *jarv(i)*, саам. *jawr(e)*, мар. *jer, jär*, морд. *eške*, чудско-мерянском **jahr/*jähr* (последнее реконструировано из топонимических данных и обоснованно полагается наиболее близким к прафинно-волжскому слову; подробнее см. [СТРС II: 263–267])²². Эти рефлексy выступают в двух основных вариантах: -*Vgr(V)* и -(C)*Vp(V)* (ср. *Копогра*, *Опогра*, *Суегра* с *Мачер*, *Седеро*, *Ухтомъяр*, *Бояро* и др.). Отдельную группу образуют лимнонимы с финалью -*Vвер(a)* (*Кушавера*, *Чудевер*, *Кысковер* и др.). А.К. Матвеев видит в них русскую эпентезу в перед «озёрным» финно-угорским детерминантом. Возможно, здесь проще усматривать отражение саамского *jawr*.

Далее следует важный раздел, выводы которого отчасти развиваются и корректируются в следующих частях монографии: лингвоэтническое членение СТРС. На основании сопоставительного анализа формантов микротопонимов и ойконимов, а также выборочного картографирования дифференцирующих основ показано, что прибал-

²¹ Отражение географического термина (финно-волжского слова с исходным значением «ветвь») видит в подобных названиях Е.М. Поспелов [Поспелов 1970: 98–99]. Мы указывали, что соответствующие термины можно видеть в основах гидронимов типа *Иксозеро*, *Викшозеро*, *Виксенда*, *Окса*, *Укша*, но вряд ли в финалях потамонимов -*Vкша/-Vкса* [Шилов 1997: 6–7; 1999б: 108–109].

²² Отсюда следует непродуктивность (необоснованность) привлечения пермских, угорских и самодийских языковых данных для «прямых» этимологий СТРС; иное дело, что эти данные могут оказаться полезными при трактовке некоторых «темных» заимствований русских диалектов из вымерших языков РС, сохранивших сколки общеуральского языкового наследия.

тийско-финская топонимия охватывает чуть ли не весь регион, но – со значительным разрежением к востоку (являясь относительно поздней). Основной (древней) оппозицией региона представляется противостояние саамской и севернофинской (чудской) топонимии северо-запада и юго-востока РС соответственно. При этом (как здесь, так и в следующих частях монографии) севернофинны определяются как финский этнос, в языковом отношении промежуточный между саамами и волжскими финнами (имея в виду здесь и летописную мерю). Выяснение деталей этой оппозиции – дело будущего, но сам факт ее выявления недвусмысленно говорит о древних этноязыковых отношениях финских племен севера России.

Вторая часть монографии открывается предварительными замечаниями, обосновывающими построение ее первых глав (3-й и 4-й; как указано выше, 2 глава является дополнением к 3 главе первой части) в виде этимологического словаря дифференцирующих основ пр.-фин. и саамских топонимов, относящихся к верхним пластам СТРС.

Следующие главы второй части носят иной характер. В главе 5 рассматриваются микрорегиональные комплексы субстратной топонимии РС. Этот подход к сравнительному анализу выборок материала обширной территории²³ является, по нашему мнению, новаторским, а обосновывается он следующим образом: «Микрорегиональный принцип исследования находит историко-этнографическое обоснование в том надежно установленном факте, что для Русского Севера характерен кустовой тип поселения, этническая пестрота в прошлом и связанная с ней языковая (диалектная) мозаичность субстратной топонимии, плотные очаги которой возникали при обрусении местной чуди. Именно поэтому изучение отдельных микротерриторий и может дать интересные результаты, позволяя привлекать к исследованию не только дифференцирующие, но и недифференцирующие факты» [СТРС II: 112]. Здесь А.К. Матвеев подвел теоретическую базу под бесспорный факт локальности (и, при том, что существенно, удивительной временной устойчивости) бытования некоторых русских заимствований из «чудских» языков РС (на фоне таких распространенных, как *луда*, *сиг*, *сузем*, *щелья* и др.). Им было проанализировано всего лишь 9 микрорегиональных топонимических комплексов (привязанных большей частью к одному озеру или к группе озер) ограниченной территории запада РС, но и этого ему хватило для нетривиального вывода: «Топонимические комплексы в пределах исследуемой территории очень отличаются друг от друга по количественному соотношению прибалтийско-финских и саамских названий, а также по структурным и семантическим типам наименований одного происхождения» [СТРС II: 187].

6 глава второй части «Древние прибалтийско-финские и саамские наречия на территории РС в свете топонимических данных» является, пожалуй, ключевой частью монографии (она, кстати, явилась и основным объектом внешней критики). При рассмотрении топонимов, образованных от этнонимов *корел* и *лопъ*, отмечается их тяготение к районам с преимущественно пр.-фин. и саамской топонимией соответственно, что естественно. Но при этом обнаружены мощные этнотопонимические лакуны на ряде территорий РС, не всегда объяснимые. Так, «карельская» лакуна на территории Белозерского края может быть объяснена доминированием там не карельского, а вепсского населения, которое у русских чаще именовалось *чудью* (этот этноним А.К. Матвеевым отдельно не рассматривается). Но непонятно отсутствие там же «лопских» этнотопонимов при том, что саамская по происхождению топонимия представлена в этих краях довольно обильно и выразительно. То же можно сказать о бассейне Пинеги и некоторых подвинских территорий. Не исключено, что у местного русского населения бытовали какие-то особые термины для обозначения финно-саамских аборигенов²⁴.

Говоря о наречиях прибалтийских финнов на РС [СТРС II: 194–204], А.К. Матвеев подчеркивает трудности их дифференциации по топонимическим данным, но показывает, что в ряде случаев все-таки можно достаточно определенно говорить о собственно

²³ Коль скоро территория в целом представляется относительно равномерной по топонимическому фону.

²⁴ См., например, о термине *вирачи* ‘чужаки’ [Шилов 1999а: 41–42; 2008а: 16, 25–26].

карелах, южных карелах (ливвиках и людиках) и вепсах, а также о некой более древней прибалтийско-финской чуди со своими особыми языковыми чертами. Особо (на основании как топонимии, так и лексических заимствований) им выделен диалект пр.-фин. типа, в котором пр.-фин. *e* первого слога соответствовало чудское *a* [СТРС II: 205–209]. В основном этот диалект был распространен в верхнем течении Онеги и нижнем течении Двины.

Раздел «Саамы и их наречия» [СТРС II: 210–231] содержит следующие основные выводы:

- саамская топонимия РС в основном является субсубстратной (будучи в значительной степени перекрытой пр.-фин. слесом), хотя в ряде случаев приходится признать прямой контакт русских с саамами на РС, ибо русские в ряде микрорегионов явно напрямую усваивали некоторые саамские апеллятивы и микротопонимы;

- в целом саамские диалекты РС являются более архаичными, чем саамские диалекты Фенноскандии, но их нельзя прямо сопоставлять с прасаамским языковым состоянием, хотя бы потому, что саамский на РС явно существовал уже в диалектной форме: выделяются две основные зоны распространения саамских диалектов РС – северная (условно – двинская) и юго-западная (условно – белозерская)²⁵;

- имеется значительное количество фонетических признаков, объединяющих говоры саамов РС с говорами саамов Кольского п-ва (прежде всего – с кильдинским); вместе с тем, отмечен ряд инноваций, что естественно для живого языка;

- отсутствие ряда базовых лексем (*n'ark* ‘мыс’, *k'ed'k* ‘камень’ и др.), характерных для лексики саамов Фенноскандии (они приведены как прасаамские в [YS]), в саамской топонимии РС (заметим, и Карелии. – А. III.) указывает на то, что саамы РС не испытали воздействия «арктического» палеоевропейского субстрата. Вместо этих лексем в лексике местных саамов, судя по всему, функционировали термины, общие с таковыми у прибалтийских финнов (**nem*, **kiv*).

Рассмотрев отражения перехода **š > h* в СТРС [СТРС II: 232–242], А.К. Матвеев отметил, что этот процесс носил сложный характер; на различных территориях рефлексам древнего **š* могли выступать как *h* («прибалтийско-финский» вариант) или *s* (позднее саамское состояние), так и *š* (ПФС или ранне-прасаамское состояние). Более того, в разных позициях переход **š > h* мог осуществляться не одновременно. Очень интересны топоосновы *вашк-*, *вешк-*, *пешк-*, *пишк-*, находящиеся в зоне распространения саамских названий РС [СТРС II: 241–242]. Они являются коррелятами пр.-фин. основ *вахк-*, *вехк-* (ср. пр.-фин. *vehk(a)* ‘белокрыльчик; вахта трехлистная’), *пехк-* (ср. пр.-фин. *pehk(o)* ‘кустарник; гнилое дерево’), *пихк-* (ср. пр.-фин. *pihk(a)* ‘смола; частый густой хвойный лес’) [СТРС II: 35, 59–60]. Однако указанные финские апеллятивы с консонансом *-hk-* не имеют саамских (в живых языках) параллелей с консонансом *-sk-*. Поэтому топонимы РС с группой *-шк-* могут принадлежать особому наречию саамов или какому-то промежуточному прибалтийско-финско-саамскому языку. Заметим, что основы *пешк-* саамского происхождения (на РС) могут отвечать и иному пр.-фин. слову: *rähki(nä)* ‘орешник, лещина’ [Шилов 2005]. Тогда отсутствие всех вышеуказанных лексем в диалектах саамов Фенноскандии объясняется просто: там отсутствуют соответствующие реалии.

К показательным результатам (в целом коррелирующим с результатами фронтального анализа СТРС, представленного в виде детализированной карты лингвогеографического ее членения [СТРС II: 330]) привело рассмотрение внутрорегиональных соответствий широко представленной на РС саамской субстратной основе *чѐлм(o)-* со значением «пролив» (ср. саам. Инари *čoalmi*, Кильдин *čuellm* > русск. диал. *чѐлма*) [СТРС II: 243–251].

Названия с основой *чѐлм-* коррелятивны с топонимами северо-запада РС с основой *салм-* (из пр.-фин. *salm(i)* ‘пролив’) и русск. диал. *салма* ‘пролив’.

²⁵ По ряду признаков диалект белозерских саамов следует признать более архаичным, нежели диалект северных (двинских) саамов.

В Белозерье и несколько южнее выявлено 9 гидронимов *Солмас* и 1 *Солмахта*, которые, как бы ни оценивать их конкретное происхождение (древне-вепсское, мерянское), должны быть сопоставлены с указанным пр.-фин. термином (финаль *-az*, *-as* в вепсском, например, появлялась зачастую еще до стадии топонимического употребления географических апеллятивов [Муллонен 1994: 19], т.е. конструкт **salmas* представляется вполне реальным), учитывая раннее время освоения Белозерья славянами, см. выше о раннем соответствии фин. *ä* – русск. *о*, точнее о лабиализации русск. *ä* > *о*²⁶.

Еще одну группу топонимов, коррелятивных с *чёлм-*, представляют 10 гидронимов с основой *сельм-* (в основном – *Сельменьга*) на юго-востоке РС. Эту основу следует признать севернофинским аналогом саамского *čoalmi* и пр.-фин. *salm(i)* – более архаичным, более близким к праязыковому **šolma*.

Естественным было обращение А.К. Матвеева к интеррегиональному сопоставлению субстратных топонимов саамского происхождения РС и территорий Присвирья и Карелии [СТРС II: 251–260], в географическом отношении являющихся «мостом» или «коридором» между РС и Кольским п-вом (если не говорить о вполне реальных связях Нижнего Подвинья и юга Кольского п-ва морем). Основной вывод этого исследования: присвирские названия сосредоточены в восточной части своего микрорегиона, продолжая зону топонимии белозерских саамов; карельские саамизмы, со своей стороны, являются естественным продолжением саамских названий РС к западу от Онеги, распространяясь затем на большую часть территории Карелии. При этом, однако, была отмечена «недостача» некоторых типичных (для РС) саамских топооснов и неожиданное выклинивание их к северу от р. Кемь. В работе [Шилов 2008б], инспирированной как раз исследованиями А.К. Матвеева, указанная лакуна была, в значительной степени, закрыта²⁷. Таким образом, непрерывность саамского топонимического субстрата от Северной Двины через восток Вепсского Межозерья и Карелию до Кольского п-ва (и далее – на запад Северной Финноскандии) продемонстрирована, как кажется, вполне надежно. Это, впрочем, не снимает вопросов о конкретных путях миграций (как сухопутных, так и морских) древних саамов и об исходном центре этих миграций. Потенциальный район прасаамского очага (вне зависимости – будь то финно-саамская ветвь или изначально отдельный этнос в составе западных финно-угров) пока слишком географически размыт²⁸.

Рассматривая проблему этимологизирования СТРС [СТРС II: 260–273], А.К. Матвеев отметил, что, кроме собственно пр.-фин. и саамских наречий, в древности на территории РС могли существовать и переходные формы. Что же до возможности отражения в СТРС общего ПФС языкового состояния, то это маловероятно. Ведь русские в ряде микрорегионов РС ассимилировали именно саамское население, причем говорившее на разных диалектах, а это могло произойти не ранее начала II тыс. н. э. Но, коль скоро ПФС праязык распался (на ПС и ПФ ветви) к середине I тыс. до н. э., трудно допустить, что он сохранился на территории РС еще 1500 лет и был там ассимилирован русским языком. Заметим, что распад (праязыковой общности) мог, вообще говоря, задержаться или вовсе не осуществиться на периферии региона, не затронутой иноязычными контактами. Но дело не в этом. Живой язык, будь то гипотетический праязык или его потомки,

²⁶ Сохранение *a* второго слога (*Солмас* < **Salmas*) может объясняться как различием качества гласных финского топонима, так и тем, что в русском процесс лабиализации *ä* мог протекать не одновременно в ударной и безударной позициях (см. к этому [Ваахтера 2007]).

²⁷ При этом отмечено, что лишь на юго-востоке Карелии топонимические саамизмы сходны с двинскими; на большей части ее территории они ближе к белозерским саамизмам.

²⁸ Ср.: «Учитывая, что саамское население в древности занимало обширные территории и в Карелии (следовательно, саамский язык был распространен от Скандинавии до границ нынешней Республики Коми), можно предположить, что некогда саамы являлись основным населением обширных территорий Севера, хотя, возможно, и не самым древним. Таким образом, сейчас преждевременно локализовать первоначальное место обитания саамов в Прионежье, Приладожье или в каких-нибудь других местах, так как необходимо учесть все имеющиеся данные» [СТРС II: 230].

не может не развиваться, и в этом отношении существенно замечание А.К. Матвеева (с анализом показательного примера русск. диал. *чильма*), что в древних диалектах РС могли сохраниться или развиваться явления, вовсе несвойственные ныне существующим языкам. Таким образом, как в заимствованных апеллятивах, так и в субстратных топонимах могут быть засвидетельствованы, во-первых, более древние формы ныне существующих финских языков, а во-вторых, факты вымерших специфических финских языков.

Заключительная глава второй части монографии [СТРС II: 274–278], с одной стороны, подытоживает ранее описанные наблюдения, а с другой, в чем-то предваряет содержание третьей части и говорит о еще нерешенных проблемах. Тезисно автор свои соображения выражает следующим образом. Прогресс в области изучения субстратной топонимии РС зависит во многом от развития микрорегиональных исследований комплексного характера, включающих изучение апеллятивных заимствований и антропонимии. При этом, следует максимально широко привлекать исследования по топонимии Кольского п-ва, Карелии, Финляндии, русского Северо-Запада, Верхневолжского региона (ИМЗ) и Республики Коми.

Широко применяемый в монографии термин «севернофинские языки» условен. Автор относит к ним языки топонимии на *-Vn(ь)ga*, а также языки создателей субстратной топонимии юго-восточной части РС. Предполагается, что эти языки в языковом отношении занимали место между прибалтийско-финско-саамскими и волжскими (мерянским) языками. Представляется, что родственные саамские, севернофинские и мерянские наречия образовывали единую цепь языков.

Топонимический ландшафт РС усложняют явно имевшие место неоднократные миграции, этнические смешения и смена языков. Пока сделаны лишь первые шаги в стратификации субстратных топонимов; при этом стратификация в разных микрорегионах может не совпадать (это упускают из виду многие, если не большинство исследователей!).

Исследователь топонимии РС должен все время помнить, что он имеет дело с «мертвыми» языками (которые, при этом, когда-то были живыми и развивались по своим законам). Он может найти подтверждение многим конструктам, распространенным в научной литературе, и встретиться с такими фактами, которые не соответствуют общепринятым представлениям.

Следующий большой раздел работы (уже третьей ее части) посвящен наиболее частотным на РС гидронимам на *-Vz(a)* и *-Vn(ь)ga*, точнее же: *-Vza*, *-yz/-юг* и *-Vn(ь)ga*. Он начинается с чрезвычайно поучительного в методологическом плане (и продуктивного в отношении этноязыковых выводов) статистического анализа топооснов: дифференцирующих, с одной стороны, и коррелятивных, с другой. Этот анализ дополняется сопоставлением фонетических регулярностей, наблюдаемых в гидронимии того или иного типа; сопоставление это дало яркие (и достаточно неожиданные) результаты. Оказалось, что гидронимия на *-Vn(ь)ga*, будучи безусловно финской (в широком смысле), решительно отличается от гидронимии на *-Vz(a)* (покрывающей практически весь РС и принадлежащей явно разным финно-угорским народам), являясь при этом и более древней (эту гидронимию А.К. Матвеев условно назвал важанской – по центру ее обширного ареала). Ареально жестко противостоят гидронимы на *-Vza* и *-yz/-юг*; последнее (условно названными А.К. Матвеевым южанскими) явно созданы особым финским этносом, отличным, при этом, от пермян (что предполагалось некоторыми авторами).

Полученные выводы подтверждают и детализируют ранее изложенные результаты предварительного лингвогеографического членения СТРС.

Далее следует этимологический словарь соответствующих гидронимов. Нет смысла, да и возможности обсуждать все этимологии, тем более что сам А.К. Матвеев вполне определенно высказался по этому поводу: «Этимологизация гидронимов на *-Vz(a)* и особенно на *-Vn(ь)ga*, несмотря на их многочисленность и явно финское в широком смысле происхождение, встречается с большими трудностями как из-за разнообразия источников, так и вследствие пестроты апеллятивных составляющих. Поэтому автор

не стремился к сплошной, массовой этимологизации, которая в целом может оказаться ошибочной (...) Учитывая сложность проблемы он прежде всего руководствовался результатами сопоставительного анализа и обращал внимание на наиболее перспективные в этимологическом отношении основы, особенно на повторяющиеся, поскольку их «топонимичность» более очевидна, а также фонетически более информативные (типа *CVCC*), потому что возможности их успешной интерпретации выше (...) Изучение СТРС показывает, что особенно большую роль в ее формировании играли лингво-этнические компоненты, имеющие саамские и прибалтийско-финские соответствия. Это характерно и для гидронимии на *-V₂(a)* и *-Vn(ь)ga*. Поэтому в поисках этимологических решений автор обращается прежде всего к саамской и прибалтийско-финской апеллятивной лексике (...) В статьях могут обсуждаться несколько этимологий, и в этих случаях поиск наиболее адекватного решения принадлежит будущему (...) Пометы *фин.*, *саам.* и т.п. означают не источник гидронима, а язык, в котором данное название имеет соответствие. Этимологизируются названия мертвых неизвестных языков, поэтому прямолинейная отсылка к каким-либо языкам или диалектам может быть ошибочной» [СТРС III: 52–54].

Нам кажется уместным остановиться на двух достаточно принципиальных моментах (и привлечь соответствующие примеры): проблеме наличия в финно-угорской топонимии РС основ нефинского происхождения и дискуссионном вопросе обоснованности и продуктивности привлечения праприбалтийско-финских (или прафинских – ПФ) и финно-саамских (прибалтийско-финско-саамских – ПФС) реконструкций.

Первая проблема А.К. Матвеевым сформулирована следующим образом: «При стратификации СТРС известную помощь может оказать изучение заимствованных элементов в топонимии – русских, скандинавских, германских, балтийских, а также финских в составе саамских» [СТРС II: 277]. Действительно, подобные разыскания могут способствовать как прояснению этнической истории РС, так и ввести некие критерии для этимологизации конкретных топонимов – допустимо или нет привлекать не только исконную лексику финно-угорских языков (имея здесь в виду и древний палеоевропейский лексический субстрат), но и заимствованную из того или иного относительно позднего источника?

Сейчас, пожалуй, для решения вопроса о балтском вкладе в лексику создателей топонимии РС материала недостаточно. Вернее недостаточно не самого материала, а его систематизации в плане данной, очень сложной проблемы. Ведь финно-балтские контакты активно протекали не только на протяжении длительного времени (начиная со II тыс. до н. э.), но и на огромной территории – от Восточной Прибалтики до Верхневолжья (откуда следует высокая вероятность полицентризма балтских заимствований в разные финские диалекты РС).

Славянские заимствования безусловно могут присутствовать (и присутствуют) в относительно поздней пр.-фин. топонимии РС (равно как и в топонимии, созданной мерянскими переселенцами в Белозерье и в басс. Устьи). Но и здесь возникают свои вопросы. Так, основа *Рист-* (ср. пр.-фин. *rist(i)* < др.-русс. *крѣсть*) исторически уместна на западе региона, но сложнее усматривать тот же источник в гидрониме *Рыстюг* в зоне «южанской» ветви «севернофинской» топонимии [СТРС III: 132]. Скорее здесь следует апеллировать к пр.-фин. *riista* ‘дичь, добыча’. Еще сложнее дело обстоит с топонимами, содержащими элемент *перт* (примеры см.: [СТРС I: 242; СТРС III: 116, 119, 125–126]). Казалось бы уже решенный вопрос о заимствовании пр.-фин. *pirtti*, *pirt*, *pertti*, *pert*, ПС **pertte*, мар. *nöpm* ‘изба, баня’ не из балт. (литов. *pirtis*, лат. *pirts* ‘баня’, откуда ожидалось бы **pirsi*), а из др.-русс. *пѣръ*, русск. сев. *перть* [Аникин 2005: 242–245], в свете данных по СТРС получает иное освещение. Этот материал (если не иметь в виду явно поздние пр.-фин. топонимы типа *Пертенема*, *Пертозеро*, *Паноперти* и т. п.) заставляет задуматься: реально ли заимствование древними севернофиннами относительно позднего (ввиду состоявшегося прояснения редуцированного) русск. *перть*? Сам А.К. Матвеев по этому поводу пишет: «В основных гидронимических типах и вообще в СТРС очень широко представлена основа *перт*, несомненно имеющая значение “изба”,

т.е. она явно функционировала в СТРС до русской колонизации. Видимо, этимология соответствующих финских слов потребует нового осмысления» [СТРС III: 240–241]²⁹.

Наиболее, пожалуй, непросто и дискуссионен вопрос о германизмах финно-угорских языков РС. В отличие от территориально широких ранних балто-финских и гораздо более поздних славяно-финских контактов, германо-финские контакты осуществлялись, в основном, в окрестностях Финского залива Балтийского моря на рубеже новой эры (или несколько ранее). Потому, с одной стороны, вполне естественно ожидать германизмы, привнесенные в топонимию запада РС прибалтийскими финнами [СТРС II, карта 32], с другой, позволительно сомневаться в германском (имея в виду позднес-прагерманскую и древнескандинавскую лексику) происхождении основ топонимов востока и юго-востока РС, идентифицируемых как саамские и чудские (по А.К. Матвееву – севернофинские). Ведь это подразумевало бы дальние ранние миграции ряда финно-угорских групп с запада на восток без всякого видимого для этого повода (вряд ли Великое переселение народов могло спровоцировать столь мощные этнические подвижки на малонаселенном Севере; иное дело – волна позднейшей славянской колонизации)³⁰.

Однако Я. Саарикиви не только предлагает этимологию диалектного (Пинежский и Верхне-Тоемский р-ны Архангельской обл.!) *койдама* ‘поляна в лесу; луг на заболоченном участке реки; сырое болотистое место; высокое место на болоте, проходное болото’ из фин. **kaita-mV* при фин. *kaita* ‘пространство между двух рек’, считающемся германским (через саамский) заимствованием³¹ [Saarikivi 2004: 195], но и поддерживает идею Й. Койвулехто о проникновении (заимствовании) в пермские языки прибалтийско-финских слов германского происхождения. При этом к 5 сопоставлениям Койвулехто он добавляет 3 своих [Saarikivi 2006: 33–38]. Впрочем, опора на весьма спорные германские этимологии финно-угорских слов Й. Койвулехто³² (см. [Koivulehto 1999 с предшествующей литературой]) и его сторонников, в значительной степени отраженные в монографии [LÄGLOS] и словаре [SSA], вряд ли может приветствоваться в таком серьезном вопросе.

Что же демонстрирует нам СТРС? В отношении пр.-фин. германизмов (ограничиваясь топонимически активными основами) мы имеем относительно скудную картину³³. В достаточном количестве встречаются разве что топонимы с основой *Канз(а)-*, ср. пр.-фин. *kansa, kanz(a)* ‘семья, народ, общество’ < герм. (ср. готск. *hansa*) [Koivulehto 1999: 272–273; SSA I: 301]³⁴. Иные отдельные топонимы, которые, казалось бы,

²⁹ Может быть, здесь как раз и имел место полицентризм заимствования? Пр.-фин. слова могли быть заимствованы из др.-русс., а севернофинские (чудские), не испытавшие перехода **ti > si* (равно как и **š > h*), из какого-то балтского языка Шекснинско-Волжского региона с последующей эволюцией *i > e > ä* по прасаамскому типу. Изыскания же Й. Койвулехто о сверхдревних контактах финно-угров со славянами [Koivulehto 1999: 10; 2006] мы не склонны рассматривать всерьез.

³⁰ Здесь можно предположить лишь два варианта: (1) какое-то германское племя некогда обитало далеко к востоку от Балтийского моря, не оставив о себе никаких материальных следов; (2) какое-то финно-саамское племя выселилось в незапамятные времена из Восточной Прибалтики все и без остатка далеко на восток, не оставив о себе на своей прародине языковых следов.

³¹ Во-первых, слово *койдама* имеет альтернативную финскую этимологию (ср. фин. *koito maa* ‘убогая земля’ [Матвеев 1970: 116]); во-вторых, германские истоки пр.-фин. *kaita* не очевидны [Шилов 1997: 10]; в-третьих, термин, явно являющийся наследием какого-то чудского языка (см. выше о его распространении), может вовсе не иметь аналогов в лексике современных финно-угорских языков. Таким образом, данный случай, как крайне спорный, не может быть принят во внимание в данном вопросе.

³² К оценке этимологических штудий Й. Койвулехто см. [Хелимский 2000: 489–501, 511–535; Шилов 2002].

³³ Естественно, мы не вправе учитывать здесь фантастические германские этимологии финских терминов (*niity* ‘луг’, *kangas* ‘бор’, *otsa* ‘лоб’ и др.) Й. Койвулехто, а также иные, сомнительные пока (вопрос направления заимствования, возможность общего субстратного источника) случаи типа *palte* ‘склон’, *vank(k)a* ‘речная долина, луг’ [SKES: 476, 1637].

³⁴ В [SKES] германский материал не привлекается, но это один из немногих случаев, когда этимология Й. Койвулехто представляется убедительной.

могли бы быть объяснены на основе пр.-фин. германизмов, обычно имеют альтернативные объяснения. Так, современная форма потамонима *Холмога* (ср. фин., карел. *holma* 'подводный камень, остров' < др.-сканд. *holmr* 'остров') могла возникнуть из исходного **Kalmajogi* 'Река мертвецов' или **Kolmejogi* 'Третья река' так же, как *Холмогоры* из раннего *Колмогоры*.

Правда, в СТРС есть много топонимов с элементами *Pand-*, *-ранда* [СТРС I: 212–213; СТРС II: 62, 307], явно восходящих к пр.-фин. *ranta, rand* 'берег', которые традиционно возводятся к пра-герм. *stranda*. Но здесь возникают свои вопросы. С германской этимологией конкурирует балтская, ср. литов. *kraĩtas* 'берег' [Terent'ev 1990: 30]. Кроме того, в ряде случаев основа *Pand-* сочетается с саамскими или доприбалтийско-финскими детерминантами *-бой* (см. [СТРС I: 256–261]), *-гач* (о топониме *Рандогач* см. выше). Вопросы возникают и с топонимическим элементом *пелда*, который явно соотносится с пр.-фин. *pelto, peld(o)* 'поле' [СТРС II: 57], что выводят из пра-герм. **felþo-* [SKES]. Но в СТРС нередки и топонимы с элементом *налда* 'поле', причем переход *e > a* необъясним на русской диалектной почве [СТРС II: 206–207, 323]. Следует поэтому признать, что здесь мы имеем дело со следами древних языков, в которых *a* первого слога соответствовало пр.-фин. *e* (см. об этом явлении выше). Где и когда в эти языки могло проникнуть германское слово?

Еще хуже дело обстоит с потенциальными саамскими германизмами в составе СТРС. Наш анализ показал отсутствие в топонимии РС активных на Кольском п-ве, в Карелии и Присвирье саамских основ германского происхождения. В тех немногих случаях, когда подобные этимологии все-таки предлагались, оказывалось, что может быть предложено альтернативное решение (*Калчуг, Пуйдуга, Соденьга* и др.) или же сама германская этимология саамского слова является чрезвычайно шаткой, а то и вообще неприемлемой (*Вовданга, Воченга*). Поэтому мы пока не разделяем сдержанного оптимизма А.К. Матвеева [СТРС III: 170–171, 241] в отношении перспективности привлечения германизмов саамского языка для трактовки СТРС.

Вопрос о реконструкциях по сути дела возник из следующих бесспорных фактов: (1) значительная часть топонимии СТРС и сопредельных территорий, равно как и часть неисконной севернорусской лексики, необъяснима из данных живых финно-угорских языков; (2) при этом многие топоосновы и лексические заимствования могут быть объяснены (хотя подчас и с неполным фонетическим соответствием) с привлечением ПФ или ПФС реконструкций.

Коль скоро, к тому же, мы видим примеры топонимов, да и лексических заимствований с неосуществившимися праязыковыми переходами **š > h*, **ti > si*³⁵ и некоторыми другими³⁶, мы просто вынуждены предполагать, что какая-то часть языков РС долго (до встречи со славянами) сохраняла архаичный ПФ облик, пусть в ряде моментов и эволюционировав, что естественно, от теоретически «правильного» ПФ состояния.

Широко использует ПФ и ПФС реконструкции при интерпретации топонимии Присвирья И.И. Муллонен (конкретные примеры [Муллонен 2002: 229–247]), а для РС и Карелии – автор данных строк [Шилов 1997; 1999б; 2003: 35–37]. И.И. Муллонен отмечает: «На отдельных участках Межозерья в топонимии законсервировались признаки, свойственные разным этапам процесса распада языкового единства... Целый ряд основ топонимов по своей фонетической структуре не являются еще ни саамскими, ни прибалтийско-финскими, а отражают то историческое состояние, когда не произошло еще разделения на непосредственных предков прибалтийско-финских и саамского языков. В этом смысле топонимия Межозерья подтверждает истинность кабинетных реконструкций, осуществленных финляндскими этимологами на базе современных саамских и

³⁵ Примеры первого типа в изобилии представлены А.К. Матвеевым. Свидетельствами неосуществления перехода **ti > si* мы предполагаем этноним *чудь* [Шилов 1999а: 38] и ряд гидронимов (*Тювеньга, Тювереньга, Тверь < Тьверь, Тюбозеро* (рядом оз. *Глубокое*) и др.), в основе которых можно предположить праязыковое **tüvä/*tīve > пр.-фин. süvä* 'глубокий'.

³⁶ Например, переход **η- > -v-*, ср. *Шуньга* (< **šunji* при пр.-фин. *suvi* 'лето') [Шилов 1999б: 105].

прибалтийско-финских языковых данных для восстановления определенных элементов прибалтийско-финско-саамского праязыкового состояния. Здесь, в Межозерье эти элементы обнаруживаются в живом, функционирующем виде» [Муллонен 1994: 120].

Отказаться от реконструкций при анализе субстратной финно-угорской топонимии, наверно, невозможно даже на относительно раннем этапе ее изучения и анализа. Так, например, чрезвычайно важной оказалась реальность финно-угорской основы **ukti* (не имеющей продолжений в живых пр.-фин. и саамском языках) [Хелимский 2006: 44], топонимические отражения которой (*Ухт*-, *Охт*-, *Вохт*-, *Бохт*-) в изобилии представлены как на РС [СТРС III: 57–59], так и на ряде сопредельных территорий, красноречиво свидетельствуют о ее семантике: «водно-волоковый путь; путевая река» [Афанасьев 1979; Шилов 1999б: 106–107; Муллонен 2002: 210–212].

То, что такие реконструкции имеют право на жизнь, мы попытаемся показать на одном примере. Речь идет о широко распространенной на севере России (от Карелии до Верхневолжья) топооснове *Анд*-. Происхождение ее представляется загадочным³⁷, но большинство авторов сопоставляли эту топооснову с финно-угорской глагольной основой *and-/ant-* со значением «дающая, кормящая». Это сопоставление было сурово раскритиковано А.К. Матвеевым с семантической стороны. Он подчеркнул, что в русской гидронимии нет рек и озер с названием *Кормящая*, *Кормилица*. В современной финно-угорской гидронимии основу *and-* со значением «кормить» также не удалось обнаружить [Матвеев 1995: 84]³⁸. Однако позднее А.К. Матвеев вновь вернулся к данному объяснению (из ФУ **amta-* 'давать, поить, кормить'): «При всех трудностях интерпретации структуры и семантики названий с этой основой, предлагаемая этимология пока представляется единственно приемлемой» [СТРС III: 56].

Возможная альтернатива заключается в следующем³⁹. В [Шилов 2008б: 58–59] было показано, что многочисленные названия Кольского п-ва, Карелии и РС на *Унд*-, *Онд*-, *Вонд*- в большинстве своем восходят к саам. **undus* (правильнее: ранне-прасаам. **ōndV-*) 'песок'. Если это наследие общего праязыкового фонда (а не субстратное включение), то на финно-саамском (или на предшествующем ему финно-саамско-чудском) уровне соответствующая основа восстанавливается в форме **and-*. В пр.-фин. лексике эта основа не отмечена; понятие 'песок, песчаный' передается инновационными *hieta*, *liete*. Но ведь реконструированная лексическая основа **and-* могла функционировать в древних чудских языках РС, отразившись в соответствующих топонимах⁴⁰. В этом варианте реконструкция снимает мучительную проблему абсолютной «нетопонимичности» (в семантическом плане) ФУ **amta* 'давать, кормить'.

Сказанное выше не означает полного согласия с радикальной позицией Е.А. Хелимского: «Диалекты, исчезнувшие в результате русификации к середине II тыс. ... были за несколько столетий до этого в целом более близки прасеверо-западному (правверхневолжскому) состоянию, чем современные им – и, тем более, чем современные

³⁷ Показательны слова А.К. Матвеева (о белозерском Андозере): «Названия с основами *Анд*- и *Ухт*- имеют многочисленные соответствия как на РС, так и в Волго-Окском междуречье и, видимо, относятся к наиболее древнему топонимическому слою» [СТРС II: 181].

³⁸ Ср.: «Такое редкое в вопросах субстратной топонимии единодушие объясняется, скорее всего, тем, что в финно-угорских языках данная лексическая основа является единственной внешне созвучной основе топонимической... Трудно представить, что в этих названиях реализовалась какая-то семантическая модель, не присущая топонимии известных финно-угорских земель» [Шилов 2001б: 154–155].

³⁹ Реконструкция ПФС **ōnto* по схеме: ПФС **ō* (> фин. *vio* 'поток') – *nto* (суффикс *nomina loci*) для объяснения названий на *Унд*-, *Онд*-, *Анд*- [Хелимский 2006: 44–45] (со ссылкой на [UEW: 544; SSA, 3: 472]) не кажется нам удачной. Словарь [SKES: 1813–1814] дает для *vio* ФУ реконструкции в вариантах **iva*, **ija*, из которых первичной представляется вторая; в целом же, из материалов, приведенных в указанных словарях, более оправданным видится исходное **oja* (к вопросу о гидронимах -*Ун(ь)га*).

⁴⁰ Конечно, здесь необходима проверка реалиями: сколь «песчаные» соответствующие объекты. Пока мы можем это утверждать лишь в отношении *Ондозера* (в 1649 г. – *Андомозеро*, позднее *Андозеро*, *Анде*) в Карелии и р. *Андога* в Белозерье.

нам, – ПФ и саамские диалекты. Причина этому – преимущественно имманентное и поэтому сравнительно медленное языковое развитие на территориях, относительно более близких к исходной верхневолжской прародине, в сравнении с исключительно большими изменениями под влиянием *Protolappisch*-субстрата (саамская ветвь) или при значительном воздействии индоевропейского, балтийского и германского субстрата или адстрата (ПФ ветвь). Ввиду этого при интерпретации лексического (в первую очередь топонимического) наследия на соответствующих территориях использование СЗ [северо-западных. – А.Ш.] (фактически финно-саамских) и ФУ реконструкций более эффективно и методологически более корректно, чем обращение к данным современных пр.-фин. и саамских диалектов и тем более волжских, пермских, угорских и самодийских языков» [Хелимский 2006: 40–41].

Определенно не разделяет этот максимализм А.К. Матвеев. Плодотворность применения реконструкций он признает безусловно (например, при интерпретации топонимов *ныш-/ныж-* из ПФС **pūšä* > пр.-фин *pühä*, саам. *passé* ‘святой’). Более того, он говорит о перспективности и более глубоких реконструкций: «В то же время те реконструкции, которые раньше стали достоянием науки (например, в UEW), помогают интерпретировать “темные” названия корпуса СТРС в случаях, когда данные живых финно-угорских языков недостаточны. Так, гидроним *Пыльменьга* (*Пильменьга*) > > Покшеньга > Пинега возвести непосредственно к фин. *pimeä*, коми *пемыд* “темный” не позволяет фонетика, а к удм. *пеймыт* “то же” еще и география, однако урал. **pil'me* “темный” [UEW: 381] снимает все вопросы. Подобным же образом название реки *Шухтаньга* > Ваеньга > Сев. Двина невозможно связывать прямо с фин. *huhta* “подсека”, “пожог”, эрз. *чувто*, мокш. *шухфта* “дерево”. Но и в этом случае фин.-волж. **šukta* “вид дерева” [UEW: 788] помогает решить проблему, хотя реконструкция семантики спорна» [СТРС III: 236–237].

При этом, однако, А.К. Матвеев неоднократно указывает на опасность безудержного применения реконструкций. Дело не только в том, что некоторые реконструкции на ПФС уровне невозможны или неоднозначны (см. ниже), но и в том, что русские сплошь и рядом сталкивались с топонимическими элементами и лексемами, уже претерпевшими определенное развитие от гипотетического праязыкового состояния, ведь древние языки (сейчас вымершие, но когда-то бывшие живыми) не могли вовсе не эволюционировать.

Удачной иллюстрацией к тому, что подчас точная ПФ или ПФС реконструкция встречает затруднения, нам видятся изыскания, связанные с трактовкой диалектного *поча, поца, почча, потша, потча* ‘озерный или речной залив: рукав, старица реки; лужа, болото’. В нижеприведенной Таблице 1 знак → означает «реконструируется из», знак > «выводится из» (реальной или реконструированной формы), ~ ‘соотносится с’.

Нам представляется, что позиция А.К. Матвеева более реалистична, чем позиция ряда его оппонентов, ибо им отчетливо указывается на невозможность встречи русских с какими-либо «чуждскими» группами, говорящими на праязыках (в отношении прасаамского Матвеев, как кажется, готов сделать исключение), точно соответствующим кабинетным реконструкциям, ибо соответствующий хронологический разрыв непреодолим.

Здесь еще следует отметить, что А.К. Матвеев разделяет (что, как кажется, не замечается некоторыми его критиками) языки, соответствующие, в известной степени, праязыковому финскому (финно-саамскому) состоянию, и те языки РС, что вовсе находились вне известного современной науке финно-саамского языкового развития: «Сложность изучения топонимического субстрата связана еще и с тем, что интерпретируются данные мертвых языков (...) Звуки, форманты и лексемы, которые считаются нетипичными для языка сравнения, могут оказаться обычными для восстанавливаемого мертвого языка, как и древние формы, которые были известны только “под звездочкой” (...) В то же время могут быть обнаружены такие явления, которые составляют специфику только данного языка или группы вымерших языков (древние ли это черты или инновации)» [СТРС I: 77–78]. Потому-то он и предпочитает не полагаться всецело

Источник этимологии	Пр.-фин.	ПФ	ПФС	ПС	Саам.	Рефлексы
[SKES: 587–588], [YS, № 978] [Шилов 1997: 14–15]	<i>rohja</i> 'нижняя, задняя часть (залива, сети, дома); бухта, угол' <i>rohja</i>	→ <i>*potša</i> ⁴¹		~ <i>*pōššō</i> ←	<i>roašš(u)</i> , <i>ruašš</i> 'задняя часть чума'	> русск. <i>поча</i> , вепс. <i>poža, poža</i> 'омут, яма на лугу, топкое место'
[Муллонен 1999: 45–46; 2002: 288–289] ⁴²	фин. <i>patsi</i> 'топкое болотистое место', вепс. <i>pačak</i> 'грязь', <i>paža</i> 'гной'	→ <i>*patsi</i>	→ <i>*paće</i>	> <i>*poće</i> > <i>*pōčče</i>	> <i>*buoččá</i> (норв.)	> русск. <i>поча</i> , вепс. <i>poža, poža</i>
[СТРС I: 222–223]					<i>bocce</i> , <i>potts, poatts</i> 'труба'	> русск. <i>поча</i>
[Saarikivi 2006: 140]	<i>pudas</i> 'рукав реки' ⁴³ (угор. <i>posal, pasal</i>)		→ <i>*pusa</i>			> русск. <i>поча</i> 'рукав реки'
[Хелимский 2006: 46–47]	<i>rohja</i>		→ <i>*počja</i> ⁴⁴	(~ <i>*pōššō</i>)	> <i>*počč-</i> (у двинских саамов)	> русск. <i>поча</i>

на формально корректные праязыковые реконструкции, но сочетать их (в разумных пределах) с тем, что остается «в сухом остатке» после вычленения топонимических элементов, явно возводимых к данным пр.-фин. и саамского языков, т.е. идти к восстановлению черт вымерших языков, в первую очередь отталкиваясь от топонимических данных и от фактов заимствованной лексики.

⁴¹ Реконструкция поддерживается марийск. *potš* 'хвост', *potšeš* 'за, сзади' [Paasonen 1948: 95–96].

⁴² При этом с сам. *roašša*, *buoššo* 'задняя часть чума' И.И. Муллонен сопоставляет карел. диал. (Сегозеро) *poža* 'речной залив, заводь выше порога' [Муллонен 2001: 21].

⁴³ Пр.-фин. *pudas* (как и его саамские соответствия) может восходить к пра-уральскому **puńca* 'колени' [Хелимский 2000: 213]; в [UEW: 400] *pudas*, а также его саамские, угорские и самодийские соответствия возводятся к уральскому **puđa-se* 'рукав реки'; к *поча* это слово вряд ли имеет какое-либо отношение.

⁴⁴ Относительно ПФС реконструкции **počja* сказано: «кластер **-čj-* в других ПФ и саамских основах не засвидетельствован, но характер рефлексии фонетически сходных кластеров не противоречит подобному предположению» [Хелимский 2006: 46]. Думается, что в реконструкции с **-j-* нет необходимости, ибо *-j-* в *rohja* (исходном для этой реконструкции) мог принадлежать не основе, но суффиксу *-ja* со значением «местонахождение того, что выражено коренным словом», образующим в финском топонимы и географические термины [Хакулинен 1953: 107–108]. Ср. внешне похожие случаи заимствованных терминов *курья* [Аникин 2000: 334–335; Шилов 2008а: 19, 27] и *нарья* [Матвеев 1996: 234–235].

Подытоживая, скажем, что плодотворность применения реконструкций для отдельных конкретных случаев не тождественна плодотворности массового их воспроизведения ввиду явной (и, притом, разнонаправленной) эволюции вымерших языков РС от гипотетических праязыковых состояний. В противном случае мы рискуем синтезировать язык (языки), никогда в реальности не звучавшие на РС.

Последние разделы монографии [СТРС III: 198–215, 215–235] являются фактически развернутыми, глубоко мотивированными ответами на публикации [Saarikivi 2004; 2006; Хелимский 2006]. Основная поднятая в них проблема – статус значительной доли СТРС, определяемой А.К. Матвеевым как саамская. Я. Саарикиви сомневается в «саамстве» создателей соответствующей топонимии, полагая что она (топонимия) принадлежит носителям особого языкового типа, который характеризовался как саамскими, так и пр.-фин. особенностями. Е.А. Хелимский же, не сомневаясь в «саамстве» значительной части древнего населения РС (хотя и производя ревизию некоторых этимологий А.К. Матвеева в «праязыковом» духе), настаивает на том, что это были некие особые саамы, отличные от саамов Фенноскандии, и предлагает для их обозначения использовать термин не *саамы*, но *лопъ*, *лопляне*. В ответ на это А.К. Матвеев привел многочисленные системные факты, указывающие на следующее. На РС, наряду с древними (более архаичными, нежели собственно прибалтийско-финские и саамские) языками, функционировали и истинно саамские диалекты; во многом они уже эволюционировали от прасаамского состояния, развив ряд сепаратных инноваций; эти диалекты по ряду признаков сближаются с диалектами кольских саамов; наличие исторически обусловленного Protolappisch-субстрата в языках саамов Северной Фенноскандии и отсутствие такового у саамов РС не может служить основанием для разведения этих двух крупных групп с точки зрения их праязыковых истоков.

Сомнения в «саамстве» саамов РС можно, как нам кажется, отвести и следующим образом. Согласно исследованиям Д.В. Бубриха, Г.М. Керта, В. Лескинена, И.И. Муллонен, Я. Саарикиви, автора этих строк и ряда других исследователей, множество топонимов Карелии определенно являются саамскими по происхождению. Соответствующая топонимия (как и значительная часть топонимии Присвирья) не только сходна или вовсе тождественна топонимии РС, определяемой А.К. Матвеевым как саамская, но обнаруживает и те же признаки диалектного членения. В то время как саамизмы юго-восточной Карелии сходны своим консонантизмом с топонимией «двинских» саамов, саамизмы большей части Карелии разделяют многие особенности с топонимией саамов «белозерских» [Шилов 2008б: 62]. Но, коль скоро карельские саамы действительно признаются саамами (при том, что в их лексике явно отсутствуют многие протосаамские «арктические» элементы), то на каких основаниях можно отказывать в саамстве сходным или просто идентичным топонимам РС?

Более того, можно говорить о том, что саамы РС (равно как и саамы Межозерья и Карелии) в языковом отношении это и есть «истинные» ранние саамы. Саамы же Фенноскандии – это явно арктический палеоевропейский субстрат, подвергнувшийся феннизации (саамизации), со своей «говоркой»⁴⁵.

Иные положения работы Е.А. Хелимского (генезис гидроформанта *-In(b)ga*, оправданность массовых ПФС реконструкций, ряд частных этимологий) уже рас-

⁴⁵ Этим объясняется (в языках саамов Фенноскандии) и значительное число субстратных лексем, относящихся к базовой лексике, и некоторые фонетические особенности (исходящие из иных артикуляционных навыков), не укладывающиеся в рамки регулярных финно-саамских соответствий, и ряд морфологических явлений. Так что словарь Ю. Лехтиранты [YS] фактически дает реконструкцию поздне-прасаамского состояния, уже испытавшего языковое воздействие протосаамов. Именно к протосаамам (а не к «исходным» финно-угорским саамам) относятся слова археолога В.Я. Шумкина: «Археологические данные определенно свидетельствуют, что население Лапландии никогда не выходило за пределы Северной Фенноскандии. Заключение о былом широком распространении саамов (или протосаамов), активном участии их в этногенезе других народов не соответствует действительности» [Шумкин 1991: 143–144].

сматривались выше. Здесь остается отметить его интересную идею о выделении северо-западной группы ФУ языков (противостоящей волжским и пермским языкам), праязык которой в традиционной классификации фигурирует как финно-саамский (у нас – ПФС) или как раннеприбалтийско-финский. Полагается, что в пределах группы можно разграничить следующие ветви (по состоянию на конец I тыс. н.э.): прибалтийско-финскую, саамскую и лопскую (см. об этом дуализме выше), тоймскую («севернофинны» А.К. Матвеева), возможно – мерянскую и тверскую (с ПФ консонантизмом). Вероятной исходной областью распространения праязыка данной группы полагается левобережье Верхней Волги – Тверская, Ярославская, Костромская области и юг Вологодской области.

Мы разделяем точку зрения А.К. Матвеева в том, что идея эта достаточно плодотворна (об уместности конкретных терминов А.К. Матвеев, впрочем, высказался весьма критически), хотя детали классификации явно подлежат уточнению, а в чем-то, возможно, и пересмотру в будущем. Кажется, что серьезная проблема подобной классификации заключается в следующем. Финно-угорские языки РС возникли вряд ли одновременно, являясь равноправными потомками некоего праязыка. Между ними, очевидно, существовали генетически сложные временные и ареальные отношения. Лишь с точки зрения славян, осваивающих обширнейшие территории РС, языки, которые они там застали, являлись равноправными в этом смысле. Поэтому предложенная схема (как бы она ни корректировалась, какие бы терминологические изменения ее элементы ни претерпевали) является синхроническим приближением. Но анализ сложнейшей по составу СТРС требует диахронного подхода, опирающегося на данные ареальных (и микрорегиональных) исследований. Иначе невозможно определить – в каких случаях (на каких территориях) уместны (если вообще уместны) языковые реконструкции той или иной глубины, а это чревато полнейшим волюнтаризмом в этимологизации конкретных топонимов.

Фактически, отвечая на предложения Е.А. Хелимского по классификации древних языков РС, А.К. Матвеев указал не столь на их недостаточную аргументированность или противоречивость (они вполне аргументированны и речь здесь может идти разве что о терминологических нюансах), сколько на некоторую преждевременность подобной постановки вопроса. Сугубая осторожность А.К. Матвеева в этом вопросе видится оправданной, несмотря на кажущийся ее консерватизм.

Нам представляется, что соотнесенность финских языков РС и соседних северо-западных территорий может быть передана следующей, заведомо упрощенной и сугубо предварительной схемой, отраженной в Таблице 2 (под чудскими здесь условно подразумеваются все несаамские мертвые языки РС).

Таблица 2

Финно-саамско-чудские (топонимия на <i>Анд-, Ухт-/Охт-</i>)						Древнечудские (гидронимия на <i>-Vн(ь)га</i>)	
Финно-саамские (гидронимия на <i>-Vг(a)</i>)							
Саамские		Прибалтийско-финские		Среднечудские		Онежане (Каргополь Кенозеро Пудожье)	Важане
Ново-саамские: шведские норвежские финские кольские	Собственно-саамские: карельские белозерские двинские	Северные южные	Восточные (младочудские)	Чудь новгородская тверская карельская	Южане		

Из заключения к монографии хотелось бы процитировать следующие пассажи: «В топонимической этимологии “фактор риска”, связанный прежде всего со случайными совпадениями, особенно велик. Несомненно, есть ошибочные этимологии и в этой книге, а соответственно могут быть и неверные обобщения... Но уже ясно: чем больше углубляться в эту проблему, тем властнее новая информация, привлекая к себе внимание и лингвистов и историков, будет стимулировать дальнейшее изучение СТРС.

Самое главное, что “заговорил” древнейший источник для изучения истории финно-угорских и – шире – уральских языков. Кладезь СТРС подтверждает многочисленные этимологические реконструкции не только на финно-волжском и финно-пермском уровнях, реальность которых проблематична, но и на финно-угорском и уральском, что намного существеннее. В этом отношении особенно впечатляет архаика гидронимов на *-Vn(b)ga* {...}.

СТРС представляет собой огромный массив родственных названий, объединенных языковыми и диалектными отношениями, а также ареальными связями, и кардинально измененный русской адаптацией. Сейчас установлены только общие черты и изучены отдельные фрагменты этой сложной системы. Решение проблемы в целом осуществится только тогда, когда эти фрагменты удастся свести воедино и в сложной мозаике не будет пустот и фальши» [СТРС III: 236, 245]. К сказанному здесь нам нечего добавить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Альквист 2000а – А. Альквист. Меряне, не меряне... I // ВЯ. 2000. № 2.
Альквист 2000б – А. Альквист. Меряне, не меряне... II // ВЯ. 2000. № 3.
Аникин 2000 – А.Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
Аникин 2005 – А.Е. Аникин. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. М., 2005.
Афанасьев 1979 – А.П. Афанасьев. Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // Вопросы географии. Вып. 110. 1979.
Ваахтера 2007 – Й. Ваахтера. К вопросу об истории гласного *o*, полногласия и *ака*-нья в русском языке в свете данных о славянизации Русского Севера // *Slavica Helsingiensia*. 32. 2007.
Кабинина 2008 – Н.В. Кабинина. О происхождении форманта *-жма/-зьма* в субстратной топонимии Русского Севера // Вопросы ономастики. № 5. Екатеринбург, 2008.
Матвеев 1970 – А.К. Матвеев. Типы бытования географических терминов в субстратной микротопонимии Русского Севера // Вопросы географии. Вып. 81. 1970.
Матвеев 1978 – А.К. Матвеев. Русское диалектное *чильма* // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978.
Матвеев 1995 – А.К. Матвеев. Костромское *Андоба* (к мерянской этимологии) // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995.
Матвеев 1996 – А.К. Матвеев. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996.
Матвеев 2000 – А.К. Матвеев. Топонимические этимологии. XII // Этимология 1997–1999. М., 2000.
Матвеев 2003 – А.К. Матвеев. Субстратные топонимы с элементом *-конда* в Поважье // Этимология 2000–2002. М., 2003.
Матвеев 2006 – А.К. Матвеев. Ономатология. М., 2006.
Матвеев 2007 – А.К. Матвеев. Мерянские ойконимы с топоформантом *-(V)дом* и проблема каритивных топонимов // Этимология 2003–2005. М., 2007.

- МСФУЗС – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Вып. 1. Екатеринбург, 2004.
- Муллонен 1994 – *И.И. Муллонен*. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен 1999 – *И.И. Муллонен*. О двух забытых вепсских географических терминах // Русская диалектная этимология. Третье научное совещание. 21–23 октября 1999 г. Тезисы докл. и сообщ. Екатеринбург, 1999.
- Муллонен 2001 – *И.И. Муллонен*. История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск, 2001.
- Муллонен 2002 – *И.И. Муллонен*. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Мызников 2004 – *С.А. Мызников*. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- Напольских 1997 – *В.В. Напольских*. Происхождение субстратных палеоевропейских компонентов в составе западных финно-угров // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997.
- Попов 1965 – *А.И. Попов*. Географические названия: введение в топонимику. М.; Л., 1965.
- Поспелов 1970 – *Е.М. Поспелов*. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Вопросы географии. Сб. 81. М., 1970.
- Поспелов 1974 – *Е.М. Поспелов*. Содержание топонимического атласа Центра // Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Т. I–III. Екатеринбург, 2001–2005–.
- СТРС – *А.К. Матвеев*. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I–III. Екатеринбург, 2001–2007.
- Смолицкая 1974 – *Г.П. Смолицкая*. Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. Сб. 94. М., 1974.
- Хакулинен 1953 – *Л. Хакулинен*. Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1953.
- Хелимский 2000 – *Е.А. Хелимский*. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Хелимский 2006 – *Е.А. Хелимский*. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. Вып. 3. Екатеринбург, 2006.
- Шилов 1997 – *А.Л. Шилов*. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // ВЯ. 1997. № 6.
- Шилов 1998 – *А.Л. Шилов*. Топонимия Карелии в аспекте проблем субстратной топонимии Русского Севера: к происхождению гидроформанта *-en(ь)ga* // ВЯ. 1998. № 3.
- Шилов 1999а – *А.Л. Шилов*. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.
- Шилов 1999б – *А.Л. Шилов*. К стратификации дорусской топонимии Карелии // ВЯ. 1999. № 6.
- Шилов 1999в – *А.Л. Шилов*. К происхождению гидронимических терминов *курья, пудас, режма* // Русская диалектная этимология (Третье научное совещание 21–23 октября 1999 г. Тезисы докл. и сообщ.). Екатеринбург, 1999.
- Шилов 2001а – *А.Л. Шилов*. О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // ВЯ. 2001. № 6.
- Шилов 2001б – *А.Л. Шилов*. К происхождению севернорусских топонимов с основой *Анд-* // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург, 2001.
- Шилов 2002 – *А.Л. Шилов*. Размышления над статьей Й. Койвулехто о прибалтийско-финских этнонимах // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002.
- Шилов 2003 – *А.Л. Шилов*. Топонимические модели и этимологизация субстратных топонимов Русского Севера // ВЯ. 2003. № 4.

- Шилов 2005 – А.Л. Шилов. Шлиссельбург, Кингисепп, Копорье // Рр. 2005. № 6.
- Шилов 2007 – А.Л. Шилов. К географии и происхождению топонимии с элементами *hatša* и *aho* // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте. Петрозаводск, 2007.
- Шилов 2008а – А.Л. Шилов. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М., 2008.
- Шилов 2008б – А.Л. Шилов. Саамская топонимия Северной Карелии // Вопросы ономастики. № 5. Екатеринбург, 2008.
- Шумкин 1991 – В.Я. Шумкин. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. М., 1991.
- Ahlquist 2006 – A. Ahlquist. Ancient lakes in the former Finno-Ugrian territories of Central Russia: an experimental onomastic-palaeogeographical study // Slavica Helsingiensia. 27. Helsinki, 2006.
- Kiviniemi 1984 – E. Kiviniemi. Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Suomen väestön esihistorialliset juuret (Tvärinnen symposiumi 17-19.01.1980). Helsinki, 1984.
- KKLS – T.I. Itkonen. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958.
- Koivulehto 1999 – J. Koivulehto. Verba mutuata (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. 237). Helsinki, 1999.
- Koivulehto 2006 – J. Koivulehto. Wie alt sind die Kontakte zwischen Finnisch-Ugrisch und Balto-Slavisch? // Slavica Helsingiensia. 27. Helsinki, 2006.
- LÄGLOS – A.D. Kylstra, S.-L. Hahmo, T. Hofstra, O. Nikkilä. Lexikon der älteren germanischen Lehnwörter in den ostseefinnischen Sprachen. I. Amsterdam; Atlanta, 1991; II: 1997.
- Paasonen 1948 – H. Paasonen. Ost-Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
- Saarikivi 2004 – J. Saarikivi. Über das saamische Substratnamengut in Nordrußland und Finnland // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. 28. 2004.
- Saarikivi 2006 – J. Saarikivi. Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu, 2006.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1955–1978.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä: etymologinen sanakirja. Osa 1–3. Helsinki, 1992–2000.
- Terent'ev 1990 – V.A. Terent'ev. Corrections to the «Suomen kielen etymologinen sanakirja» concerning Germanic, Baltic and Slavic loanwords // Uralo-Indogermanica. II. M., 1990.
- UEW – K. Rédei. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Budapest, 1986–1991.
- YS – J. Lehtiranta. Yhteissaamelainen sanasto (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. 200). Helsinki, 1989.